

Б. Е. РАЙКОВ

ПРОФЕССОР ЛЕНИНГРАДСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

**П О Л О В О Е
П Р О С В Е Щ Е Н И Е
В Ш К О Л Е**

**КУЛЬТУРНО - ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ
ТРУДОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
„ОБРАЗОВАНИЕ“
ЛЕНИНГРАД**

1927

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ тов. ЗИНОВЬЕВА.**

Изд-ства «Ленинградская Правда».

Ленинград, Социалистическая, 14.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУВЛИТ № 21145.

Печ. 3.000 экз.—5 л. Зак. № 2162.

1927

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта книжка выросла из нескольких докладов, сделанных мною в 1926 г. в Москве и Ленинграде на различных педагогических собраниях. Так как изложенные здесь мысли заинтересовали присутствовавших, которые неоднократно выражали желание видеть их в печати, то я решил поделиться своими мыслями по данному вопросу с более широкой аудиторией.

В этой работе мне оказала большую помощь Б. И. Морозовская, которой я и выражаю свою признательность.

Автор.

Вопрос, которого нельзя обойти.

Нужно ли вводить в школу половое просвещение? Что у нас в русской школе делается в настоящее время в этом направлении? Что нужно сделать в этом отношении в дальнейшем?

Вот вопросы, на которые пытается ответить эта книжка.

Нечего и говорить, что эта тема является в настоящее время достаточно актуальной. Текущая жизнь говорит нам, что ждать с ответом на поставленный выше вопрос далее невозможно. В противном случае вопросы полового просвещения уйдут из рук педагогов в различные внешкольные организации, в различные объединения молодежи, что, до некоторой степени, наблюдается уже и сейчас. Мы знаем попытки, когда те или иные юношеские организации стремились внести корректив к школьному преподаванию, которое, до сих пор, в большинстве случаев, обходит молчанием эту запретную область, и пытались сами разобраться в этом сложном вопросе, не обладая для этого ни достаточным педагогическим тактом, ни достаточными знаниями. Результаты, как и следовало ожидать, получались самые печальные.

Если поставить принципиально вопрос—следует ли вводить в школу сведения о половом размножении и связанные с этим вопросы,—то ответы получаются самые разнообразные и часто случайного характера. Например, некоторые указывают, что наша молодежь чрезвычайно испорчена с самого раннего возраста, получает сведения

о половой жизни из самых нечистых источников; ссылаются на психологию детей, которых не удовлетворяет сказка об аистах и которые, уже с раннего возраста, начинают самостоятельно доискиваться правды в этом вопросе. Другие, напротив того, говорят, о преждевременном наталкивании учащихся на вопросы пола, которое будто бы ни в коем случае нельзя рекомендовать, говорят о печальных последствиях привлечения внимания учащихся в эту сторону, которую будто бы здоровый ребенок бессознательно обходит и т. д.

Мне представляется, что здесь вопрос надо ставить в более общей форме: *проистекает ли из основных задач школы необходимость полового просвещения*, или, напротив того, педагогическая позиция школы *не требует мероприятий этого порядка*, которые диктуются из соображений совершенно иного рода, ничего общего с педагогическими не имеющих.

Задержимся на минуту на вопросе, в чем основная задача школьного образования вообще? На поставленный так вопрос дают много разнообразных ответов. Существует очень много различных формулировок, так или иначе определяющих задачи школьного просвещения. Очень часто эти формулировки не только не совпадают одна с другой, но прямо друг другу противоречат. Достаточно указать, например, на антагонизм, который существует между педагогами—сторонниками гармонического развития личности в школе, и теми, которые полагают, что задачи современной русской школы—воспитывать не „человека вообще“, а борца за определенные общественно-политические идеалы, за интересы определенного общественного класса. Однако, как бы ни были разнообразны эти формулировки, во всех их есть все же нечто общее. Вот это-то обстоятельство и говорит нам, что это

общее (если бы, действительно, удалось его выделить) является чем-то в значительной степени бесспорным,—таким, на котором можно со спокойной совестью базироваться, не боясь впасть в односторонность. Это общее во всех попытках охватить задачи школы, как таковой, действительно, имеется, и может быть передано старым изречением Сенеки: „мы учимся не для школы, а для жизни“. Старая, но вечно юная формулировка! А в настоящее время еще более юная, чем когда бы то ни было. Она, действительно, вполне отчетливо передает основные задачи школы: готовить человека к той общественной среде, в которой он будет жить и действовать. Она в равной мере предостерегает и от педагогических отвлеченностей, и от неразумных попыток создать нового человека, слишком далеко отстоящего от родной почвы, без которой человек и его усилия—ничто.

Итак, школа должна *готовить детей для жизни*. Жизнь и школа *единое неразрывное целое*. Школа не имеет права обходить существенно-важные, жизненные проблемы, не имеет права давать детям искусственного тепличного воспитания.

Что же представляет собой половой вопрос в жизни? В личной жизни человека и в жизни общественной? Едва ли можно отрицать, что это—фактор огромного, первостепенного значения. Ведь половой инстинкт, который лежит в основе явлений этого порядка, на ряду с инстинктом самосохранения, является сильнейшим инстинктом человеческого рода. Поэт сказал: „Любовь и голод правят миром“. Биосоциолог говорит, что инстинкты самосохранения и размножения, т.-е. сохранения рода и вида, является древнейшим первичными инстинктами животного организма, которые подобно фундаменту, лежат в основе целого ряда инстинктов более позднего происхождения. Своими корнями оба

эти инстинкта уходят в далекое прошлое человеческого рода, вплоть до тех древнейших времен, когда оба пола впервые начали обособляться друг от друга.

Стоит ли говорить, что важнейшие события личной жизни человека так или иначе связаны с его половой жизнью: рождение детей, брачная жизнь, забота о потомстве и т. д. Литература и искусство, которые являются отражением подлинной жизни, пропитаны вопросами этого порядка. Любовь, — отношения самца к самке—и в их элементарнейших проявлениях, и в самых тончайших духовных разветвлениях и оттенках есть та ось, на которой вращается в значительной степени наше художественное творчество.

Стенли - Холл утверждает, что $\frac{9}{10}$ душевных переживаний молодежи сосредоточены вокруг пола и половых функций, если только не понимать эту сторону жизни слишком узко. Учение о половых гормонах и об их влиянии на организм, развитое в последнее время, еще более подчеркивает значение полового фактора в индивидуальной жизни человека. По мнению врачей-психопатологов, $\frac{3}{4}$ всех неврозов имеют в основе те или иные неблагополучия в половой сфере.

Проследите статистику самоубийств и вы убедитесь, что и здесь половой фактор играет значительную роль, особенно у женщин.

Не менее важную роль половой инстинкт играет и в жизни общества, как целого. Один из старых философов представляет себе жизнь человечества в виде огромного дерева, корни которого—любовь, а ствол и ветки—вся его духовная культура. „История любви—есть история человечества и его культуры“—говорит И. Блох, автор большой и весьма содержательной монографии по половому вопросу.

„Человек сексуализирует весь мир“, по выражению Фр. Ницше.

Если читатель согласится с двумя предыдущими предпосылками, т.-е. с тем, что школа должна готовить для жизни, во-первых, и что половой фактор играет в этой жизни колоссальную роль, во-вторых, то беспристрастная логика потребует от него неизбежного вывода, что школа не только не может, но и не имеет никакого права обойти половой вопрос в воспитании подрастающего поколения.

Она обязана дать учащимся половое воспитание, иначе она будет однобокой, нежизненной, лицемерно уклоняющейся от своих прямых заданий.

Разговор с Гертрудой.

Сделав такой вывод, естественно поставить вопрос, *каким же путем и в какой форме* школа должна осуществить возлагаемые на нее жизнью задачи.

Когда мы из области принципиальных соображений спустимся в область практического их применения, то наше положение сразу делается весьма и весьма затруднительным. Если можно легко и доказательно выставить требование полового просвещения в школе, то вопрос об осуществлении этого полового просвещения на практике является одним из самых трудных и спорных. Имеющиеся в этом направлении опыты (а их уже у нас накопилось достаточно) как раз подчеркивают, что это одна из самых ответственных проблем практической школьной работы.

Обозревая известные нам попытки, можно разделить их авторов и осуществителей на две категории, для которых я предложил бы название— „минималистов“ и „максималистов“.

Под *минималистами* я подразумеваю тех, которые слишком осторожничают в этом вопросе, и вместо полового просвещения дают неясные, а иногда даже совсем туманные намеки, прикрывают половой вопрос стыдливым покровом и боятся лишь одного—чтобы дети не слишком отчетливо и ясно поняли то, что им преподается.

Особенно много примеров такого минимализма можно отыскать в попытках объяснить детям половой вопрос таким образом, как это испробовано в разное время в западных школах.

Вот, например, какую беседу предлагает детям англичанка Этельмер касательно оплодотворения у человека: „Взаимному сближению (растений) помогает сама природа—ветер, пчелы. Но птицы и млекопитающие, не исключая и самого человека, не нуждаются в такой помощи: они могут приблизиться друг к другу сами, движимые любовью и симпатией и делают это, ставши сильными и большими...“.

Другая, немецкая об'яснительница, Елена Штиль, рассказав об опылении у растений, пишет следующее: „У людей мы замечаем то же самое, что у растений. И здесь необходимо сближение двух различных живых существ, мужа и жены, нужно, чтобы они крепко любили один другого, жили вместе, разделяли совместно радости и печали, и тогда(!) у них будут маленькие дети, появившиеся прежде всего в теле матери, как яички в завязи!“...

Венская учительница, Эльза Вибираль, в беседе с 12-ти летней Гертрудой так открывает ей тайны пола. Сначала, конечно, идет рассказ о цветах, о том, как опыляются растения, как растение-мать производит семена, из которых образуются растения-дети и т. д. Затем идет следующий диалог.

„Мою руку сжала маленькая рука и раздался тихий вопрос: „Мама, а как... у людей“?

Я заглядываю в милые, открытые глаза моей девочки: „У людей, дитя мое, многое происходит почти так же, как у растений.—Растеньице, в котором образуются семена, мы назвали матерью, а другое, которое посылает пыль, отцом растения-ребенка. Вот видишь! И все-таки у людей это совсем иначе. Растения ничего не знают друг о друге, и все зависит от случая, от того, куда пчелы понесут пыль. У людей же те, которые становятся отцом и матерью, любят друг друга и знают это и радуются. Так же было и с твоим отцом, и со мной. Ты теперь еще слишком мала, чтобы стать матерью, но когда ты вырастешь, ты легко поймешь, как это происходит у людей. Когда ребенок начинает расти, он такой же маленький, как семя в растении.—И это даже еще более чудесно: из семени мало-по-малу вырастает новое, прекрасное человеческое тело, с душой, полной радости и желания быть хорошим. Так выросли и вы, наши детки!“...

Нечего и говорить, что такое об'яснение, строго говоря, ничего не об'ясняет, и не дает даже ясного представления о роли матери в произведении ребенка, не говоря о роли отца. Даже такие явления, как беременность и роды, о которых, казалось бы, можно говорить с самыми маленькими детьми, здесь совершенно затушеваны сентиментальными фразами и красивыми словами.

Таких минималистов в западно-европейской литературе (кстати сказать, очень обширной) хоть пруд-пруди. Имеются они и у нас. Так например, мне еще недавно пришлось выслушать мнение одного педагога-натуралиста, что о развитии лягушечьей икры еще можно говорить на первой ступени, но рассказать ребенку о том, что он образовался внутри тела своей матери и составлял с ней когда-то одно целое—это уже путь весьма

рискованный, на который педагог вступать ни в коем случае не должен. А, между прочим, это как раз тот вопрос, на который пытается ответить известная сказка об аистах. Эта сказка, разумеется, и сочинена потому, что детский ум, именно, на этот вопрос властно требует ответа.

Игра в двойчатки.

Иначе поступают те педагоги, которых мы называем *максималистами*. Эти, напротив того, ничего не боятся, ни перед чем не смущаются и смело берут быка за рога. Некоторые из них, как мы это увидим, вводят в школу самые сложные стороны половой проблемы, такие, в которых и взрослые-то не всегда могут разобраться с полной ясностью.

У других наблюдается своеобразное стремление, даже при рассказе о половой жизни животных, внести сюда своеобразный антропоморфизм и осветить их отношения на человеческий лад. Послушайте, например, как германский педагог Рудольф Пенциг беседовал с двумя ребятами: Альфредом 11-ти лет и Трудой 6-ти лет. Ребятишки поймали пару майских жуков в состоянии копуляции, притащили их педагогу и стали спрашивать, что означают эти „двойчатки“, и „почему жуки совсем срослись“. Объяснение педагога: „Ведь у них сегодня свадьба! Это прекраснейший день их жизни! Сколько времени они мечтали друг о друге!“.— И вот следует рассказ о том, как два майских жука, жених и невеста, „встретились на вишневом дереве или на большом каштане в великолепный весенний вечер. Сейчас же они полюбили друг друга. У самки были такие блестящие красивые коричневые надкрылья и красивый, в белых и черных пятнах, животик, а самец так велико-

лепно жужжал и гудел. В результате их потянуло друг к другу, они почувствовали, что принадлежат друг другу и составляют одно целое“.

— „Ну, Альфред, спрашивает педагог, как соединяются два индейца, которые хотят заключить союз на всю жизнь?“ — „Они смешивают свою кровь“, воскликнул Альфред, обрадованный, что может показать свою ученость.

— „Конечно! когда два человека, не только индейца, хотят выразить свое намерение стать навеки верными друзьями, охранять друг друга от всех опасностей до самой смерти и не расставаться даже после смерти, они должны смешать свою кровь. Приблизительно то же самое сделали и наши майские жуки. У них, правда, нет красной крови, но по их телу струится нечто в роде крови и жизненного сока. А у самки есть даже яйца. Конечно, не такие большие, как у курицы, Трудхен, а совсем крохотные пузырьки. И вот самец отдал немножко своего сока, а самка приняла его в свое крохотное яичко, — и теперь они стали не только друзьями навсегда, и мужем и женой, но и смогли стать *родителями*“.

Словом, настоящая супружеская идиллия. Недостает только пастора!

Любопытно, как же подействовали такие объяснения на детей. Об этом наивно проговаривается сам автор. Они стали играть в „двойчатки“, и даже привлекли к этой игре своего старшего брата Фрица: „Где ты, Фриц, мы хотим играть в двойчатки, мы празднуем свадьбу!“ — стремительно прибежала Трудхен. „Ну, конечно, весело вскричал Фриц, ведь мы любим друг друга. Альфред будет венчать нас, но сначала, я, конечно, должен поцеловать тебя, — ведь мы заключаем союз и смешиваем нашу кровь“. — Ура! воскликнул Альфред: „Фриц и Труда играют в „двойчатки!“ ...

— „Теперь я мог спокойно приняться за свою работу“, — удовлетворенно добавляет немецкий педагог.

Жаль, что он не описывает нам, как велась игра в „двойчатки“, и что из этого в конце-концов получилось.

Семилетний муж.

В России еще до войны получили известность книжки энергичной пропагандистки полового просвещения для детей Н. Жаринцовой. Вот пример того, как следует, по ее мнению, беседовать с мальчиком лет семи.

„Когда ребеночек готов, он начинает усиленно толкаться, выпрямляться — и пролезает головкой вниз по специальной дорожке.

Где же эта дорожка?

Она начинается внизу матки и открывается в безопасном месте маминого тела, между ногами...

Если здоровый, сильный и чистый человек хочет иметь семью и деток, то он женится на какой-нибудь хорошей девушке, которую он так сильно любит и уважает, что хочет, чтобы именно она была матерью его детей. И тогда у него является сильное желание впустить семячко внутрь ее тела—где только и может вырасти его дитюшка; семячко выходит с несколькими каплями жидкости из его половых мешечков и проходит по кончику его тела, который он вставляет в ту дорожку, нарочно для всего этого тела приготовленную, которая ведет в теле его жены в детский домик, т. е. в матку“... и т. д.

Такого рода объяснения были, повидимому, не только поняты ребенком, но и оказали на него известное действие. Какое это действие, об этом проговаривается сама Жаринцева. Ребенок

очень заинтересовался, стал обращать внимание на беременных женщин, на свои половые органы и т. д. Один раз он попросил мать: „Пожалуйста, мамочка, покажи мне, как пеленать только что родившегося ребеночка? А то моя жена будет еще больна, а я, вдруг, держать его не умею“. В другой раз он об'явил: „Я теперь никогда не сажусь ни на что острое: а то вдруг мои семечки вырастут никуда негодные!“...

Таким образом, у семилетнего мальчика появились такого рода мысли, переживания и заботы, которые едва ли можно считать естественными у ребенка этого возраста. Он даже заводит речь о своей будущей жене и заранее готовится быть „хорошим мужем“.

Жаринцева стоит на, так называемой, „предупредительной“ точке зрения, т. е. считает необходимым беседовать с детьми о половом вопросе тогда, когда они еще малы, сами не подошли к этому вопросу и не обнаружили полового любопытства. Ей представляется, что лучше предупредить вопросы детей, чтобы иметь дело с совершенно девственной, нетронутой почвой детской психологии. Но, сама того не замечая, преследуя свою благую цель, она преждевременно наталкивает ребят на переживания сексуального порядка, что едва ли можно считать с педагогической точки зрения сколько-нибудь правильным.

На грани порнографии.

Изложенные выше попытки относятся еще к довоенному времени.

После революции опыты полового просвещения сделались более многочисленными, и педагогический максимализм, о котором мы говорили

выше, обозначился очень резкими контурами. И в Москве, и в Ленинграде мы знаем уже целый ряд постановок в области сексуального просвещения, среди которых найдется много наводящего на самые серьезные размышления.

Вот, например, что рассказывает один ленинградский педагог, который провел опыт сексуального просвещения в 1924 году в 3 и 4 классах школы II ступени в связи с курсом физиологии и гигиены. Он вел с мальчиками и девочками беседу на тему: „физиология, анатомия и гигиена половой сферы“. Самодисциплина учащихся на этих уроках, по его словам, была необычайная, внимание—самое напряженное. Во время и после беседы записки сыпались на кафедру учителя дождем—как со стороны мальчиков, так и со стороны девочек. Вопросы задавались в таком большом количестве, которое превосходило число слушателей. Руководитель зарегистрировал эти вопросы—как у мальчиков, так и у девочек.

Делая доклад о своем опыте (в одном из заседаний О-ва Распр. Ест. - ист. Образов.) он перечислил 48 вопросов, которые задали девочки, и 54 вопроса мальчиков.

Вот некоторые из вопросов девочек: „Вреден ли аборт и правда ли, что его можно повторять сколько угодно безвредно для здоровья женщины? (6 вопросов). Укажите лучшее средство против зачатия? (3 вопроса). Какой величины бывает penis? (4 вопроса) Благодаря чему penis бывает упругим? Может ли родить 10—12 летняя девочка от 15-летнего мальчика? (4 вопроса). Может ли произойти зачатие через неповрежденную девственную плеву? (2 вопроса).

Мальчики среди прочих задавали следующие вопросы: Что такое аборт? (8 вопросов). Как вредны для здоровья очень частые половые сно-

шения? (3 вопроса). Укажите норму сношений в сутки, в неделю? (2 вопроса). Укажите лучшие предохранительные средства? (4 вопроса). Что вреднее—онанировать или сношаться с проститутками при помощи предохранителей? (2 вопроса). Как онанируют девочки? (2 вопроса). Может ли произойти зачатие от одного раза сношения с 15-летней девочкой? Почему у проституток не бывает детей? (8 вопросов). Что такое „бешенство“ матки: не этим ли объясняется, что некоторые девочки вешаются на шею мальчиков? Может ли восстанавливаться девственная плева после одного полового сношения? (2 вопроса). Почему у одних девочек твердая грудь, а у других мягкая? У одних большая, у других маленькая?“

Нетрудно видеть, что некоторые из заданных вопросов носили безусловно „озорной“ характер и находятся на грани порнографии. Трудно себе представить, какое педагогическое значение может иметь обсуждение на уроке величины penis'a, или формы женской груди. Идя этим путем, можно зайти чрезвычайно далеко, и тогда вопрос о развращении детей встанет перед нами грозным призраком.

Нет никакого сомнения, что среди учащихся данного класса были и дети мало искушенные в вопросах половой сферы, были, как видно из приведенных вопросов, и дети безусловно развращенные, имевшие личный стаж половой жизни. Спрашивается, правильно ли этот нечистый опыт делать сюжетом публичного обсуждения? Не является ли это для менее искущенных элементов класса моментом крайне нежелательным? Во всяком случае, если и нужны половые беседы, то их следует ставить не в таком виде. Ленинградский опыт является одним из примеров того, как неосторожное манипулирование в этой деликатной области ведет к сомнительным результатам.

Во всяком случае лицо, ставившее этот опыт, надо отнести к сравнительно умеренным еще и осторожным сторонникам полового просвещения. Гораздо дальше идет другой ленинградский педагог, Г. Н. Сорохтин, который недавно выступил печатно в одном из сборников по половому вопросу. Будучи горячим поборником полового просвещения и придавая ему очень большое значение, он решительно выдвигает требование:— „объяснить в школе все до конца и сдвинуть ширму с процесса внутреннего оплодотворения (coitus)“. По его мнению, это лучший способ успокоить эротические запросы детей. Он даже считает, что если преподаватель не решится на этот путь, то ему лучше вовсе не затрагивать вопроса полового размножения. Словом, ставится ультиматум: либо все, либо ничего!.. А что такое это „все“, видно из дальнейшего: оказывается, Г. Н. Сорохтин требует не более не менее как экскурсий ребят (первой ступени) на случайные пункты. Ибо как же иначе понять такое педагогическое рассуждение:

„Процесс coitus'а дети могут видеть на собаках, курах, насекомых и, наконец, на крупном рогатом скоте и лошадях. Устранять ребят от этих наблюдений не следует, так как это весьма ценный педагогический момент, с помощью которого можно очень просто, не вызывая половых эмоций, подойти к процессу полового сношения и тем самым устранить все скользкие и опасные места словесных бесед, не имеющих материала, приобретенного непосредственным спокойно-научным наблюдением“.

До этого еще никто из половых объяснителей, кажется, не договаривался, но автор чувствует себя очень спокойно и уверенно. Он убежден, что именно, наблюдая поведение собак на улицах, можно

достигнуть целей полового просвещения. „Цель полового просвещения достигнута, пишет он. Ребята получают реальное удовлетворение (!) своему обострившемуся интересу и успокаиваются. Нет больше нужды и в эротической фантазии, так как она превращается в опыт реального знания. Нет также и сексуальных эмоций, которые пропитывали раньше все представления о половом вопросе и связывались с каждым словом и жестом из этой области. Произошла по этой линии асексуализация, раскрепощение здорового корня интересов от власти буржуазно-мещанских предрассудков и приобрелась возможность свободно говорить о половом вопросе в плане научного обсуждения“.

Вот какие ценные моменты заключает в себе зрелище случки лошадей! Подумать только, как близоруки были педагоги, которые до сих пор обходили это удивительное средство полового воспитания учащихся. Следующим этапом будет, очевидно, экскурсия в дом свиданий: там будет еще больше „опытов реального знания“ и, следовательно, буржуазно-мещанские предрассудки будут окончательно посрамлены...

Отметим, что Г. Н. Сорохтин уже получил заслуженную отповедь за свои писания от наркома здравоохранения Н. А. Семашко, который охарактеризовал их (Печать и Революция, 1925, кн. 3), как злоупотребление марксизмом.

Любопытна еще у Г. Н. Сорохтина мысль о привлечении детей старшего возраста к воспитанию в половом отношении детей младшего возраста. „Старший возраст, пишет он, должен активно разделять с воспитателем трудности полового воспитания младшего школьного возраста“. Всякому педагогу хорошо известно, насколько ненадежна и ответственна система привлечения старших школьников вообще к отправлению педа-

гогических функций по отношению к младшим, и насколько часто такое передоверие оказывалось приемом, не достигающим цели. Ведь чем моложе ребенок, тем, в конце-концов, труднее и ответственнее роль воспитателя-руководителя, и крайне наивно предполагать, что с этой целью могут справиться подростки. Тьюторство старших школьников над младшими, когда-то сильно распространенное, и именно в нашей старой школе, в настоящее время решительно опровергается научной педагогикой. Тем более странной представляется идея автора привлечь старших ребят к одному из ответственных педагогических заданий в школе.

Добавим, что Г. Н. Сорохтин принадлежит к немногочисленным пока у нас „фрейдистам“ и защищает известные идеи последнего, что всякий ребенок сексуален с первого момента появления на свет, что сосание материнской груди, поцелуи матери, даже пачканье пеленок младенцем— все это «сексуальные акты». Отсюда и мысли его о половом просвещении дошкольника, у которого якобы имеются сексуальные стремления уже с 3-х летнего возраста, иногда даже до 3-х летнего. Эти-то сексуальные интересы, по мнению автора, „должны развиваться по линии самостоятельных, исследовательских наблюдений ребенка над окружающей его средой“, причем автор рекомендует разрешать эти вопросы „при помощи наблюдения домашних животных и других живых объектов“.

Очевидно, экскурсии на случайные пункты пригодны также и для дошкольников!

Таково употребление (вернее злоупотребление), которое делают наши отечественные „фрейдисты“ из отдельных наблюдаемых случаев ранней сексуальности ребенка. Стоя на этой точке зрения и уверяя себя, что ребята, поступающие в трудовую школу, только и думают о вопросах пола, только

и живут, что сексуальными ощущениями — можно пойти еще дальше. Можно договориться и до... сексуального букваря.

Отчего бы, в самом деле, нашим ребятам не учиться читать на половом материале? Ведь это так, «соответствует» их запросам к жизни...

В поисках здравого смысла.

Нам доподлинно неизвестно, как проводит Г. Н. Сорохтин свои педагогические пожелания в личной практике, но зато я располагаю совершенно точными данными относительно опыта полового просвещения в Москве, проведенного в 1925 г. в одной из самых больших московских школ (70-ая школа) в старшем классе совместного обучения. Половой вопрос был поставлен „исследовательским“ путем, а именно, учащимся было дано самостоятельное задание — ознакомиться с половой жизнью современной молодежи по соответственным анкетным обследованиям среди пролетарского студенчества московских высших учебных заведений.

В результате этих занятий естественно-исторический кабинет московской школы оказался украшенным целым рядом огромных стенных таблиц в красках, которые были вывешены там для обозрения всех интересующихся школьников и висели там в течение зимы 1925—1926 гг., а может быть, висят и по сию пору. Мы располагаем точными копиями этих таблиц и опишем некоторые из них.

Одна из таблиц называется: „Появление половых ощущений по трем группам“. На ней красуются две диаграммы в красках, одна для мужчин, другая для женщин. Из этих диаграмм видно, что у мужчин лишь у 52,2% наблюдается своевременное появление половых ощущений (т. е. от

14-ти лет и выше), у 32,6% мужчин наблюдается появление ранних половых ощущений—от 10-ти до 14-ти лет и, наконец, имеется группа (15,2%) у которых половые ощущения появляются еще раньше—до 10-ти лет. У женщин, примерно, то же явление, т. е. 32,6% ранних половых ощущений и 14,6% еще более ранних—до 10-ти лет.

Вторая таблица называется: „Распространение онанизма у мужчин и женщин“. Здесь точно также очень красиво показано синей и красной краской, что больше половины мужчин и 15% женщин занимались онанизмом, а из следующей таблицы: „Факторы, влиявшие на появление онанизма“,—также очень наглядно можно усмотреть, что лишь часть этих факторов можно отнести на влияние товарищей, подруг, влияние вредной литературы и т. д., и что почти в половине случаев (44,4% мужчин и 42% у женщин) онанизм возникает из внутреннего побуждения, т. е. как некоторый, самой природой подсказанный, способ самоудовлетворения.

Для врача и педагога такие таблицы представляют несомненный интерес и, конечно, для них и предназначает свои статистические сведения автор той анкеты, откуда они заимствованы. Но спрашивается,—какое педагогическое значение они могут иметь в школьном кабинете перед глазами ребят? Ведь из них нетрудно вывести совершенно ложное представление: о „законности“ онанизма и «естественности» всяких половых излишеств в самом раннем возрасте. Мы убеждены, что школьники такой вывод способны сделать и, может быть, уже сделали на основании таблиц школьного кабинета 70-ой школы.

Еще лучше таблица, которая называется: „Отношение к половым сношениям женщин“. Как ни дикой может показаться мысль: продемонстрировать

в естественно-историческом кабинете трудовой школы вопрос о нормальных и ненормальных чувствованиях женщин при половых сношениях — вопрос, кроющийся в области половой психопатологии—но перед нами факт на лицо: таблица красуется на стене и ребята на нее смотрят. На таблице изображены в красках два круга, разбитые на секторы: один круг—для женщин, живших половой жизнью, другой—для неживших. Оказывается, что женщины, нежившие половой жизнью, в большинстве равнодушны к ней (61%), почти треть (31%) относится к половым отношениям с отвращением, и лишь незначительный процент (9%) думает о них с удовольствием. Совершенно иную картину дает диаграмма для женщин, живших половой жизнью: тут уже половина испытуемых относится с удовольствием к половым отношениям (48%), почти четверть (29%) с равнодушием, а процент относящихся с отвращением падает до 14%.

Пусть читатель подумает, на какие выводы наталкивает эта таблица девочек-подростков, с любопытством изучающих в школе этот образчик педагогического творчества. Заметим, что в кабинет вхожи и дети I ступени.

Но самой замечательной, с моей точки зрения, представляется таблица, которая носит название: „Идеалы половой жизни. Как бы вы хотели сложить свою половую жизнь“. И вот из размалеванных яркими красками диаграмм оказывается, что брачные отношения отнюдь не в моде у нашего студенчества. Лишь 1,7% женщин и 2,4% мужчин думают найти идеал своей половой жизни в браке. Все остальные предпочитают иные половые отношения. Наибольшей популярностью пользуются длительные любовные внебрачные отношения (67,3% женщин и 50,8% мужчин). 12% мужчин и 7% женщин видит идеал своей половой жизни

в „кратковременных любовных отношениях“, а некоторый процент мужчин и женщин стоит даже за „случайные половые сближения“.

Для характеристики нашего студенчества эта диаграмма очень любопытна. Врач-социолог может почерпнуть из нее много поучительных моментов. В ней нашли, между прочим, свое отражение и те ненормальные условия, в которых жило наше пролетарское студенчество, с 1922 года еще не оправившееся от последствий фронтовой жизни и голодовки, еще не нашедшее для себя твердой опоры. Но предложить такую таблицу учащимся *трудо-вой школы* можно, лишь совершенно потеряв здравый педагогический рассудок. Как оценят эти факты мальчик или девочка—воспитанники трудовой школы? Ведь студент для них—человек авторитетный, и во всяком случае заслуживающий большого сочувствия. Как же не подражать ему в своих идеалах? Едва ли мы можем думать, что дети этого возраста способны отнестись критически к тому, что им демонстрируется. И каково положение родителей, которые не ведают, что сотни их дочерей получают в школе рекомендацию „кратковременных“ и даже „случайных“ половых сближений при сугубом предостережении от брака! Ведь девочки не могут не отметить, что только одна или две студентки на сотню считают брак сколько-нибудь подходящим для себя делом; остальные, принципиально, хотели бы устроиться иначе.

Заинтересованный этим случаем, я выяснил, что описанные таблицы представляет собою не что иное, как результат самостоятельной работы детей, и изготовлены для доклада, который делали в школе 4 ученика и который с перерывами, продолжался около 7-ми часов (!). В качестве источника им была дана книжка И. Гельман: „Поло-

вая жизнь нашей молодежи" (Государственное Издательство. Москва. 1923 г.). В этом опыте социально-биологического обследования молодежи автор сообщает о результатах своей анкеты о половой жизни московского пролетарского студенчества, охватывающей 1600 человек и проведенной в 1922 году.

„Эта анкета, пишет сам И. Гельман о своей работе, должна представить огромный интерес потому, что она проведена в эпоху одной из величайших революций и может, до некоторой степени, служить отражением тех изменений, которые произведены ею в жизни подрастающего поколения. С этой точки зрения она является пока единственным известным нам обследованием. Самый социальный состав студентов, которые подвергались обследованию, является необычным не только для русских, но и для западно-европейских анкет. Их подавляющее большинство принадлежит к классу рабочих и крестьян. Чрезвычайно небольшое количество выходцев из мелкой буржуазии не может растворить эту насыщенную в классовом отношении среду. Вместе с тем, это не случайная группа рабочих и крестьян, а группа, объединенная общими революционными стремлениями и революционной работой. Это—люди, принимавшие и принимающие непосредственное участие в революции, являющиеся ее рядовыми солдатами“.

Сама анкета была обставлена весьма обдуманно и серьезно. Для того, чтобы ответы были откровенные и студенчество отнеслось к этому опыту правильно, перед проведением анкеты были устроены специальные собеседования с представителями студенчества, число которых превышало 200 человек, и которые, в свою очередь, устраивали частные собеседования с товарищами. Эти меры принесли нужные плоды. По свидетельству автора

анкеты, студенчество вполне осознало ее нужды и значение, отнеслось с большим доверием к организаторам и сообщало самые интимные подробности о своей половой жизни, даже не требовавшиеся анкетой. Некоторые анкетные листы напоминают собой автобиографические исповеди. „Многие дополняли анкеты своими дополнениями и замечаниями, которые превращают анкету в человеческий документ, волнующий своей жизненной правдой“.

При таких условиях работа И. Гельмана дала весьма ценные результаты и, вероятно, в течение долгого времени будет служить источником ссылок в специальной медицинской и педагогической литературе. Но, конечно, автор никогда не подозревал, что он работает, между прочим, и для подростков трудовой школы. Конечно, ему никогда и не снилось, что найдутся такие остроумные педагоги, которые дадут в руки ребят те половые автобиографические исповеди взрослых людей, о которых он упоминает, к тому же людей, захваченных водоворотом жизни, целые годы живших в ненормальных условиях фронта и кипевших в котле гражданской войны.

Пусть читатель только представить себе группу девочек и мальчиков, изучающих и реферирующих товарищам такие, например, половые откровенности.

Один студент пишет в анкете: „Имел сношения со всеми: с простой кухаркой и мещаночкой, с кисейной барышней и со вдовушками“. Другой отвечает на вопрос иносказательно: „Смешивал кислое с пресным и какой только дряни на нем не было“. Третий пишет: „Когда хотелось (испытывал половое возбуждение), не брезгал ничем, имел сношения со вдовами, и женщинами 60 лет, и с невинными девушками ради искусства“. Еще один пи-

шет, что не имел частых половых сношений из-за отсутствия денег и подходящих женщин, сейчас их—даже сверх нормы. Другой имеет сношения со всеми, кто желает иметь половые сношения. Следующий лаконически пишет: „Искал самку и всегда находил“. Шестой также определенно формулирует: „Всегда находил женщину; подход простой: хочешь?—идем... будь то товарка, сестра милосердия и т. д.“. Еще один пишет: „Имел сношения со всеми, кто попадался под руку: и с проститутками и с честными женщинами“.

Один студент, бывший красноармеец, 28 лет, сообщает, что он имел сношения во время войны более чем с 700 женщин, вплоть до старух 60 лет: „иначе не накормят борщом“. В пояснение этих чудовищных данных И. Гельман указывает, что красноармейцы, оторванные от нормальных условий, в атмосфере постоянного возбуждения (неоднократно было отмечено повышение полового возбуждения на фронте), очень часто сознательно считали себя вправе пользоваться всеми попадавшимися им во время расквартирования женщинами, относились к этому бравурно, не чувствуя никакого смущения.

Один студент 22 лет пишет, что не имеет половых сношений только тогда, когда нет „женского продукта“, и за отсутствием у женщин понимания того, „что законы природы обойти нельзя и еще в виду того, что современные советские женщины чего-то боятся“.

Другой, очевидно, какой-то половой маньяк пишет: „Не признаю никаких границ половой жизни. Сношения имею почти каждую неделю, если будут случаи, буду иметь сношения каждый день, каждый час, до тех пор, пока хватит энергии“.

В конце книжки Гельмана имеется особое приложение, где приводятся уже не отрывки, а более

подробные выписки из анкет, автобиографического характера. Из нескольких десятков таких выписок приводим две.

Один 20-летний юноша сообщает о себе следующие подробности. „Моя половая жизнь сложилась крайне неудачно. Помню, в школе один старший товарищ однажды в темной комнате просил онанировать его. Это меня испугало и я отказался. Но впоследствии сам втянулся в этот порок. Когда был еще мальчиком, меня несколько раз возбуждала нарочно сестра, но сношений с ней я иметь не мог, так как был еще малышом. Когда начал заниматься онанизмом, половое чувство страшно обострилось: иногда пытался иметь сношения с животными (коровой, кобылой), но неудачно“.

Другой студент, 21 года, пишет: „Товарищи, извините за выражение. Я сам себе удивляюсь, что много требуется сношений. Я сильно возбуждаюсь, не могу сидеть возле женщин и волнуюсь от их близости. Я сбился с пути с девочками, не могу совладать с собой. Прошу оказать помощь. Я в последнее время стал слаб в половом отношении“.

Как видит читатель, чтение—самое подходящее для учащихся трудовой школы.

Как пишутся хрестоматии.

Как уже сказано выше, И. Гельману никогда и не снилось, что его книжка будет употребляться в качестве школьного пособия. Но есть такие педагоги, которые издают свои работы специально для школы, и, тем не менее, не так уже далеко ушли от автобиографических признаний Гельмановских героев.

Вот, например, Л. Мирский и В. Цветаев составили, а Государственное Издательство недавно

выпустило „Подвижную хрестоматию“ для школ II ступени. Хрестоматия эта называется „Деревня и Октябрь“ и состоит из целого ряда небольших книжечек, в общей папочной обложке. К изданию имеется предисловие П. Блонского, весьма лестное для авторов, где П. Блонский констатирует, что им пришла счастливая мысль резко и окончательно порвать со старой традицией—составлять хрестоматию из отрывков, не дающих никакого цельного впечатления. В особую заслугу авторам ставится то, что они в своей хрестоматии дали возможность конкретного осуществления и жизненного сближения литературы с обществоведением.

И вот, раскрыв эту хрестоматию, так хорошо нам рекомендованную, мы в первом же выпуске наталкиваемся на следующие строки.

„В этом же селе уланы вечером надолго ушли куда-то и, возвратясь, многозначительно друг дружке подмигивали и хохотали. Но, как и везде, никто не жаловался. Уже поздно вечером по куску разговора прапорщик понял, что они насильовали девок, и это ему было неприятно, а вместе с тем и радостно знать. Неприятно потому, что в городе насилия над женщинами не любили больше, чем даже расстрелы, и за это мог быть порядочный нагоняй, а радостно потому, что прапорщику давно хотелось обнять здесь на просторе простую, пахнущую хлебом, деревенскую девку, а если не подастся сама, то изнасиловать. Прапорщику казалось, что все, презирающие насилие, лгут и сами себе и другим“.

Это отрывок из повести Всеволода Иванова: „Партизаны“. Материал как будто для классного разбора в трудовой школе не подходящий! Но ничего не поделаешь, из песни, как говорят, слова не выкинешь! Если поставить себе в принцип не составлять хрестоматий из отрывков,

а только из цельных произведений, с одной стороны, и ввести в число читаемых в классе авторов Всеволода Иванова, Пильняка и других наших современников, то поневоле получится то, что получилось.

Вот отрывок из другой повести, приведенный из той же хрестоматии:

„Дождь идет, звезды по ночам горят, месяц сторожем ходит над полями, над лесами, над селами дальними, над деревнями ближними. Ничего с места не тронулось. Девки домой не заходят и бабы домой не заходят. Чужая баба к чужому мужику прижимается, чужой мужик чужую бабу держит под полой до вторых петухов. Хорошо яблочко в своем саду, в чужом — ему лучше. Легли в переулочках тропы в два следа. Пообтерлись плетни на задворках в две спины. Приумялась трава под плетнями в одну спину“.

Вот такой своеобразный арифметический ребус предлагается для отгадывания учащимся первого концентри второй ступени...

В прошлом году на одном из заседаний педагогов-естественников в Ленинграде, где шла речь о половом вопросе, вышел на кафедру огорченный преподаватель литературы и с сокрушением жаловался, что приходится в школе читать такие произведения Пильняка, которые по его буквальному выражению, „пахнут половыми органами“.

Другой педагог-гуманитар, выступавший на одном педагогическом заседании в Москве (в начале 1926 г.) рассказал собранию о таком характерном эпизоде. Ему пришлось укорять школьников за частое употребление нецензурных ругательств с упоминанием „матери“. Учащиеся слушали его без особого смущения, а один из них реагировал на педагогические увещания следующим образом: он заявил, что употребляемые им ругательства

часто встречаются в современной художественной литературе, а отсюда сделал остроумный вывод: следовательно, эти выражения являются вполне „литературными“, а раз это литературные выражения, то почему бы их не употреблять в разговорном языке?

К половым максималистам следует отнести также А. Коллонтай, проповедь которой очень интересует нашу зеленую молодежь. Когда А. Коллонтай вздумала (в этом году) прочитать в Москве лекцию на свою излюбленную тему, то молодежь, среди которой было много подростков, буквально ломилась в аудиторию. Очерк А. Коллонтай „Любовь трех поколений“, несомненно, принадлежит к числу книг, которые весьма охотно читаются молодежью. Вот как рассуждает героиня автора, симпатичная комсомолка Женя: „Половая жизнь для меня просто физическое удовольствие Своих возлюбленных меняю по настроению. Сейчас я беременна, но не знаю, кто отец будущего моего ребенка, да это для меня и безразлично“...

Можно очень свободно смотреть на половые отношения, но считать нормальным такое положение, при котором девушка не может разобраться в том, от кого она беременна, это, как будто, слишком...

Само собой разумеется, что влияние такой проповеди на нашу школьную молодежь трудно назвать благотворным.

Экзамен школе.

Знакомясь с приводимыми нами фактами относительно педагогического максимализма в области полового вопроса, пусть читатель не заподозрит нас в излишнем ригоризме. Мы думаем и даже настаиваем на том, что половой вопрос должен

найти свое место в школьном преподавании, но во всяком случае не так и не в таком виде, как это пытаются осуществить Сорохтины и иные, приносящие идее полового просвещения гораздо больше вреда, чем пользы. Болезнь нарочитой левизны в этом вопросе надо скорее изжить, также как давным-давно надо расстаться с ненужной робостью и мнительностью.

Так что же делать, спросит читатель? Что вы предлагаете? Ответить на этот вопрос гораздо труднее, чем на вопрос о том, чего не следует делать. Общеизвестно, что положительное строительство—задача более сложная и ответственная, чем критика чужих ошибок и увлечений. Кроме того, такое строительство всегда носит более или менее субъективный оттенок.

С этими оговорками я все-таки решаюсь набросать картину того, что, по моему мнению, должно дать в школе I и II ступени в области полового просвещения. Я намеренно говорю *полового просвещения*, а не *полового воспитания*, потому что вовсе не собираюсь изложить в этой маленькой книжке проблему полового воспитания во всем ее объеме, но намеренно ограничиваю свою задачу лишь областью того, что можно сообщить по этой части на уроках естествознания.

Итак, что же следует делать?

Прежде всего, вступая в область полового просвещения, не следует *преуменьшать* для себя трудности этого вопроса с педагогической точки зрения. Все натуралисты-естественники, бравшиеся за проведение этого вопроса в классной обстановке, единогласно свидетельствуют, насколько это ответственный момент по отношению к детской психологии и к психологии самого руководителя. Отмечается большая напряженность внимания класса, заметное волнение детей, особое душевное

состояние, которое требует чрезвычайно внимательного отношения к ребенку.

Еще до революции, в 1910—12 году, мне приходилось касаться вопросов размножения у животных и человека на уроках биологии в последнем классе одной из женских гимназий, где я тогда преподавал. И родители, с которыми приходилось беседовать по поводу этих уроков, и товарищи-педагоги считали этот опыт удачным. Тем не менее, я помню напряженное состояние учениц на этих уроках, причем был случай, что одна из более нервных девушек почувствовала себя дурно, у нее сделался обморок и ее пришлось вынести из класса.

Что касается учителя, то с его стороны требуется большая выдержка, присутствие духа, спокойствие, умение просто и ясно подойти к щекотливым пунктам беседы. Здесь всякая неуверенность тона, краска в лице, неудачная интонация, неуместная улыбка, могут совершенно испортить дело. Существует в литературе наивный рассказ одного немецкого педагога, который очень картинно рисует волнение, охватившее его, когда однажды ученик задал ему на уроке вопрос из области половых отношений: „Вдруг один ученик, который до сих пор принимал мало участия в беседе,—и мои глаза уже не раз искали его, а уста поощряли, но тщетно,—вдруг он поднял палец в знак того, что хочет что-то спросить. В углах рта у него играла та своеобразная улыбка, а в глазах был тот почти жуткий влажный блеск, которые были знакомы мне, как ничего хорошего не предвещающие признаки. Но в радости, что он заинтересован и хочет принять участие, я не обращаю на это внимания и сейчас же вызываю его, хотя, собственно, имел в виду другого. Он медленно выпрямляется во весь рост, и блеск в его глазах

становится режущим, а улыбка в углах рта более ясной; губы его вздрагивают, и каждое движение их болезненно впивается мне в грудь; у меня захватывает дыхание и сердце начинает громко стучать от страха, как будто нас ждет несчастье, которого я не могу предотвратить“.

Когда вопрос был задан, всеми овладело такое напряженное ожидание того, что ответит учитель, что в комнате воцарилась глубокая тишина, и каждый мог, кажется, слышать биение сердца соседа.

„Во мне поднялось, пишет далее немецкий педагог, великое чувство ответственности моего учительского звания, возлагающего на меня заботу о спасении доверенного мне юношества. Я почувствовал, что стою на карте, и увидел всю опасность, которая грозит моим юным друзьям, и из моей души вырвался тяжелый вздох: „Господи, коснись уст моих, чтобы они отверзлись и заговорили, так как настал их час“.

Мы видим, что благочестивый немец даже взывал к богу, ища у него помощи в столь трудном деле. Учитель современной русской школы, конечно, к богу взывать не станет, но и ему придется напрячь всю свою волю и педагогическое умение для того, чтобы с честью выйти из положения.

В ноябре 1925 г. при Московской Биостанции юных натуралистов в Сокольниках состоялась конференция учительских кружков г. Москвы, на которой присутствовало 52 человека. Занимались специально вопросом о том, как прорабатывается тема „человек“ в массовой школе. С докладом выступила одна из передовых учительниц—Н. Д. Хорева. Но когда зашла речь о размножении человека, то оказалось, что никто из учителей I ступени не затрагивал этих вопросов в школе ни в какой форме. Причинами были не принципиальные сообра-

жения, а неподготовленность педагога: „Чувствовала, что не смогу“, откровенно ответила на поставленный вопрос Н. Д. Хорева.

Словом, половое просвещение—труднейший экзамен в школе. Стенли-Холл называет его „высшим критерием педагогики“, и лишь та школа может взяться за него, которая может добросовестно сказать, что в остальном у нее все обстоит благополучно, что между учащими и учащимися существуют хорошие и доверчивые отношения, что в школе создана здоровая общественная среда. Если же мы дадим эту задачу такой школе, где внутренняя дисциплина расшатана, где влияние отрицательных элементов улицы и разложившейся семьи слишком велико, где между детьми и педагогами нет прочной и нравственной связи, то там наш опыт может оказаться отрицательным и принести больше вреда, чем пользы.

Много значит и личный такт самого преподавателя. Мне, например, известен такой случай, который имел место в одной провинциальной школе II ступени. Преподавательница биологии, она же врач, столкнувшись в 9-ой группе с вопросами пола, решила дать учащимся соответствующие объяснения. Для этого она собрала девочек отдельно и повела с ними беседу. Мальчики в это время толкались и подслушивали у дверей. Затем следовала беседа с мальчиками также отдельно.

После этого началось шушуканье между некоторыми мальчиками и девочками: „Что она вам говорила?“—„А вам она что говорила?“

Младшая группа (6-ая и 5-ая) узнав об этом, тоже потребовали, чтобы и им были даны объяснения. Пришлось сделать это. В результате школа целую неделю была необычайно возбуждена. Даже обычные игры прекратились. Шопот по углам, таинственные разговоры не утихали. Замечательно, что

многие девочки перестали водить компанию с мальчиками, старались держаться от них отдельно, как будто стыдились.

Это — пример неумелого бестактного подхода к делу, отрицательные стороны которого не замедлили обнаружиться.

При таких условиях мне представляется чрезвычайно опасным вводить половое просвещение в школу в качестве *обязательной* меры, т. е. такой, которую школа должна осуществить немедленно, во что бы то ни стало, и не может от нее отказаться. Если в школе отсутствует нужная обстановка, если в школе нет таких преподавателей, которые *умели бы и хотели бы* за это взяться, то всякое официальное навязывание может лишь самым сильным образом скомпрометировать половое просвещение в массовой школе.

Поэтому мне кажется несомненным, что, в особенности на первых порах, можно рекомендовать школам половое просвещение, но ни в коем случае не совершать никаких „циркулярных насилий“ в этой деликатной области.

Не половое просвещение, но половое воспитание.

Второй совет, который бы мне хотелось дать тем педагогам, которые пойдут по стопам полового просвещения—это не *переоценивать значения этой меры*, не считать, что это какая-то панацея, универсальное средство, которое разом оздоровит нашу молодежь и одним ударом поставит на рельсы дело полового воспитания подрастающих поколений.

Напротив, следует ясно понять, что влияние этой меры ограничено.

Ведь когда мы сообщаем ребятам правильные сведения о размножении животных и всячески

стремимся преподать им эти сведения в надлежащей педагогической оболочке, стремимся вызвать у них, при помощи нашей беседы, нормальное, здоровое отношение к половому вопросу, то ведь мы влияем, главным образом, на интеллектуальную сферу ребенка, влияем на его мышление. Сторонники гербартовской педагогики когда-то думали, что влияя на интеллектуальные переживания детей, мы тем самым влияем на всю их натуру, что обучение воспитывает ребенка, что выработка правильных представлений об окружающем мире и есть самое важное в воспитании: „воспитывайте ум, а все остальное приложится“.

Сейчас мы не стоим и не можем стоять на такой узкой точке зрения. Мы очень хорошо знаем, что воспитание интеллекта есть лишь часть (и притом незначительная часть) воспитания вообще, что, вырабатывая у детей правильные представления, мы далеко не создаем правильных норм их поведения.

Половой инстинкт один из сильнейших в животном царстве, и бороться с ним, с его влияниями и уклонениями, при помощи слова учителя и классной беседы очень трудно. Как просто и хорошо можно было бы оздоровить в половом отношении подрастающее поколение, если бы все дело состояло в том, чтобы выслушать в школе несколько хороших бесед по половому просвещению! Конечно, крайне наивно сводить все темные стороны, с которыми сталкивает нас изучение жизни молодежи, к тому, что молодежь эта в свое время была неправильно осведомлена о половых отношениях, узнала о них из циничных рассказов товарищей, из соблазнительных картинок литературы и т. д. Конечно, и эти влияния имеют известное значение, но, в конце концов, не в них одних дело.

Дело заключается в том, что у человека, в силу особых условий его био-социального развития, по-

ловая зрелость наступает значительно ранее брачного возраста: девочки созревают в 12—14 лет, мальчики в 13—15 лет, в то время как брачный возраст отсрочивается на пять и более лет. Получается явление, которое Мечников называл „биологической дисгармонией“. Половой инстинкт—налицо, развитие его создает повышенный интерес подростков к вопросам пола, особую эмоциональную настроенность, а те естественные каналы, по которым можно было бы спустить эти излишки накопившейся энергии, заперты бытовыми, социальными и разными другими плотинами. В результате—вредный флирт, ранние половые сношения, онанизм, пользование услугами явной и тайной проституции и неизбежный спутник последней—венерические болезни.

По данным И. Гельмана (анкета среди пролетарского студенчества 1922 года) армия онанистов начинает рекрутировать уже с 7 лет. 9,1% онанистов начали заниматься онанизмом между 7 и 10 годами, и 31%—между 11 и 14 годами.

В современной педагогической литературе не раз отмечалось, что даже дошкольники отнюдь не благополучны в сексуальном отношении. По данным Осиповой у детей наблюдается повышенное половое возбуждение, раннее появление полового любопытства, распространенное употребление циничных слов, жестов, рисунки на определенные темы, циничные предложения не только к девочкам, но и к няням, разговоры на половые темы, онанизм и наконец, педерастия. Д-р Аркин в своем большом труде „Дошкольный возраст“ наблюдал 158 детей в возрасте от 3-х до 8-ми лет с резкими проявлениями сексуальности. В числе прочих он приводит такой пример.

„Сережа Н. 4½ лет. Половое чувство проявлялось в обнажении полового органа, в залезании

в чужие карманы, пристрастии к малышам, которых он учил онанизму... Утром, после чаю, когда все дети хорошо и спокойно настроены, Сережа брал кого-нибудь из малышей трехлеток и уводил в кусты; сколько раз прибежавшая руководительница находила малыша лежащим на спине, а Сережу—на нем, дергающим его половой орган. Иногда случалось, что на траве кругом сидело несколько свидетелей... Вечером руководительница часто находила его в спальне в кроватке у кого-нибудь из самых маленьких ребят... Один раз, ничего не подозревавшая руководительница, дежурившая ночь, стала раздеваться; спустив уже с плеча платье, она случайно обернулась—Сережа сидел на кровати и смотрел. Руководительница, уже пожилой человек, ни в коей мере не склонная к преувеличениям, передавала, что ей стало жутко от сознательности этого взгляда“.

К дисгармонии, которая уже сама по себе, так сказать, биологически толкает подростков на путь различных эксцессов, надо присоединить влияние семьи и общественной среды. Бытовые условия, в которых живут дети школьного возраста, иногда положительно ужасны. Современная семья часто находится в состоянии полного разложения или даже вовсе отсутствует и дети фактически находятся во власти улицы, которая знакомит их с самыми темными и неприглядными сторонами половой жизни большого города.

Влияние испорченных школьных товарищей и влияние нескромной литературы—все это создает тот прочный круг, из которого очень трудно выбраться. В этой пошлой среде молодое существо набирает свой первый жизненный опыт. Даже хорошо поставленной школе трудно бороться со всеми факторами, которые, по большей части, лежат вне сферы влияния школы, как таковой.

Если же принять во внимание хаотическое состояние школы, из которого мы только теперь героическими усилиями выходим, если припомнить целый ряд неудачных школьных мероприятий эпохи военного коммунизма, недостаточную подготовленность нашего воспитательского персонала, особенно в детских домах, и целый ряд подобных условий, то не следует удивляться, что русская школа подарила нас за последние годы целым рядом горестных фактов, которые частью уже проникли в печать.

Вот, например, характеристика состояния детских домов в Одессе, по данным Одесского Врачебно-Педологического кабинета:

„В большинстве домов помещения далеки от нормы, требуемой гигиеной. Спальни по большей части малопоместительны, так что кровати почти вплотную стоят одна возле другой. В некоторых интернатах ребенок ночью, чтобы пойти в уборную, должен перелезть через соседние кровати. Вообще помещения очень мало приспособлены для детской жизни. Так, в двуполых интернатах везде общие уборные, что, по мнению педагогов, недопустимо, так как в домах везде есть дети с резко повышенным эротизмом. В одной из анкет приводится описание, как одна девочка, будучи в уборной, зазывала к себе мальчиков. Когда мальчики подымали ей юбку, она улыбаясь говорила: „разве я виновата, что меня все любят“. Спальни для детей дошкольного возраста везде общие. Персонал подчеркивает недопустимость такого положения. Правда, „поскольку маленький ребенок в своем сознании асексуален, постольку же он оказывается и бесстыдным“. Но у наших перераздраженных детей сексуальность начинает проявляться рано. „Мне стыдно спать с мальчиком в одной спальне“—говорят девочки дошкольного

возраста. Но, несмотря на это, в некоторых интернатах их не только ложат спать в одной спальне, но заставляют их купаться с мальчиками в одной ванне. Оборудование детских домов в громадном большинстве случаев крайне недостаточно. Так, по данным анкет, большая часть детей спят по двое на одной или по трое на двух сдвинутых вместе кроватях. Спят даже по трое и по четверо на одной кровати поперек. Это совместное спанье способствует преждевременному пробуждению полового чувства. Педагогический персонал одного из дошкольных домов определенно заявляет, что именно у детей из интерната, где они спали по трое на одной кровати, ярко обнаруживается пробуждение полового чувства (все они онанировали). Необходимо добавить, что помещения интернатов зимой плохо отапливаются. Недостаток одежды и обуви заставляет некоторых детей почти не вставать с постели, что также способствует развитию у них онанизма¹.

Мы знаем целый ряд случаев полового сожителства между ребятами в детских домах, знаем случаи изнасилования довечек 9—12-летнего возраста мальчиками на несколько лет старше, случаи открытых, чуть ли не признанных, связей между подростками детских домов и техническим персоналом тех же домов и т. д.

Я, например, сам наблюдал случай такого рода в одном ленинградском детском доме летом 1921 г.: мать 11-летней девочки, придя на прием, заметила, что та выглядит как-то странно, с синяками под глазами и проч. Начались расспросы и в конце-концов удалось добиться, что ее дефлорировал 13-ти летний мальчик того-же Дома, в то время как они находились вдвоем в лазарете.

¹ См. «Путь Просвещения», 1925, № 7—8.

Администрация Дома была поставлена в тупик: что делать? В конце - концов не придумали ничего лучшего, как отделить виновника происшедшего от других ребят. Он все время проводил в одиночестве, а гулял на отдельном дворике, невысокий заборчик которого был густо облеплен любопытными детьми: они с интересом созерцали героя дня и делились своими комментариями.

Одна московская учительница, в письме ко мне, описывает сцену, которую ей пришлось наблюдать среди малолетних воспитанников одного Детского Дома во время летних каникул, когда ребята выехали в колонию. Забравшись в лес, ребята играли в очень своеобразную игру: мальчик имитировал с одной из девочек половой акт в присутствии других детей. Остальные же девочки в это время стояли „в очереди“(!) дожидаясь, пока дело дойдет до них.

По данным Осиповой¹ в детских домах наблюдались случаи, когда дети, не стесняясь, требовали от воспитательницы „дать им в постель девочку“.

Проф. Н. Н. Тарасевич произвел в 1925 году анкету среди одесских педагогов для собирания материалов по совместному воспитанию и общению. Эта анкета, опубликованная в харьковском журнале „Путь Просвещения“² вскрывает, поразительную картину половой распущенности среди ребят детских домов:

„Занимается в детдоме группа. Вокруг стола сидят до двадцати мальчиков и девочек в возрасте не моложе 10—11 лет. Один из мальчиков, уловив удобный момент, опускается под стол и начинает там онанировать, нисколько не смущаясь

¹ Осипова: «Современные дети в сексуальном отношении». «Орловский Педологический Журнал», № 1.

² «Путь Просвещения», 1925, № 7—8, стр. 116.

присутствием других детей. Группа более старших мальчиков устраивает чуть не ежедневные обыски в кроватях девочек, в поисках грязного белья, заглядывает в щели уборной в отделении девочек. Циничная брань висит в воздухе, не вызывая протеста среди детского коллектива. По вечерам в кроватях ведутся циничные разговоры; к ним с одинаковым интересом прислушивается как старшая, так и младшая группа. Стремление к половому общению почти не скрывается. Старшим девочкам приходится прибегать к абортам. Есть случаи половых заболеваний. Эта волна эротизма захватывает даже тех детей, которые своим развитием и сознательным отношением к жизни выделяются среди толпы других детей“.

Эти картинки относятся к домам нормальной школьной сети. В домах для дефективных дело обстоит гораздо хуже. По данным того же проф. Н. Н. Тарасевича, там были случаи когда девочки сходились с мальчиками за порцию хлеба. Один мальчик 14 лет неоднократно совершал половой акт с кошкой или собакой на глазах своих товарищей. Девочка Бела, 13 лет, имеет частые половые сношения с мальчиками, постоянно онанирует. Летом 1924 г. из дошкольного дома нормальной сети переводят в детский дом школьного возраста девочку лет 6—7-ми. Девочка наружности невзрачной, производит впечатление запуганного зверька. В доме ничем себя не проявляет, старается только уйти из дома утром, возвращается вечером, где была—не добьешься. Через несколько дней в одной из спален на груди матрасов дважды застают маленькую Полю в момент совершения полового акта с одним из мальчиков дома. Девочка влезла к нему в окно, соблазненная какой-то картинкой и осколком зеркала. Поля не единственная в этом доме дошкольников, где были

дети и более старших возрастов. Случаи онанизма и половых сношений принимают массовый характер, и дом расформируют¹.

В печати встречаются указания, что расформирование детских домов по той же причине бывали и в других местах, например, в Москве.

Врачебно-Педологический Кабинет в Одессе провел среди детей местных детдомов интересную анкету для выяснения их сексуальных переживаний. Было опрошено (в анонимной форме) около 600 детей обоего пола. Анкета раскрывает картину полного сексуального неблагополучия среди детей. В числе вопросов анкеты был между прочим и такой: „Хотел ли бы ты, чтобы в доме были не только девочки, но и мальчики“ (и наоборот). Из 589 опрошенных 44⁰/₀ хотят совместного воспитания и 46⁰/₀ не хотят. И вот характерно, что и сторонники и противники совместного воспитания оперируют преимущественно сексуальными мотивами, рисуя бытовую сторону их жизни. Мальчики заявляют: „Не хочу, потому что с ними делаю глупости“, „Не хочу, потому что мальчики будут делать с девочками глупости“, „Потому, что девочки соблазняют мальчиков“, „С ними быть—приводить мальчиков к разным неприличиям“, „Потому, что девочки раздражают“, „Девочки лезут к мальчикам с глупостями“, „Потому, что девочки раздражают у меня половой орган и этим я могу заболеть“. Девочки дают в общем такие же ответы: „Мальчики балуются, когда мы с ними“, „Когда мы были с мальчиками, то получались нехорошие вещи“, „Стыдно с мальчиками; когда идешь в уборную, мальчики подсматривают“, „Если вместе с мальчиками, то будут говорить, что мы делаем глупости“, „Мальчики будут просить дево-

¹ Там же, стр. 15.

чек делать глупости“, „Мальчики поют глупости“, „Чтобы не говорили, что мы спим с мальчиками“.

Из общего числа 44% детей, желающих совместного воспитания, 38% также приводят цинические, иногда грубо-эротические мотивы своего желания. Часть мальчиков прямо заявляют: „Так как с девочками можно наслаждаться“, „Потому, что я люблю девочек и хочу их целовать“, „Люблю полненьких девочек, с ними можно гулять“, „Хочу жить с девочками, потому что с ними весело время проводить“, „Чтобы оставались наследники“, „Чтобы их...“ (следует циничное выражение), „С девочками веселее, я бы имел с ними сношения“. Девочек, дающих такие же ярко-сексуальные мотивы, меньше чем мальчиков, но все же они отвечают так: „С мальчиками веселее“, „Когда мальчик любит девочку, ей это приятно“, „Хочу жить с мальчиками, чтобы иметь, с кем гулять“.

Та же анкета показала, согласно признаниям самих детей, что из 475 опрошенных, 58 (12%) уже „гуляют“, т.-е. живут половой жизнью. Вот ответы некоторых детей на вопрос о половых сношениях: „Да, 12 лет“, „Когда был дома, то часто спал с девочками“ (13 лет), „Я делаю глупости“ (9 лет), „Гулял, делал глупости“ (13 лет), „Кидал девочек в спальне на пол“... (13 лет), „Делал глупости с девочками“ (14 лет), и т. д.

Особенно многочисленны были случаи половых связей между учащимися трудовых школ в эпоху того сумбурного насаждения совместного обучения, которое проводил в Петербурге некий Полетаев, бывший в 1918—19 году заведующим отделом средней школы Наркомпроса, а впоследствии отставленный от этой роли и погрузившийся в пучину забвения. „Вот я вам всыплю мальчиков — вы,

кисейные барышни!“—говорил он бывшим институткам и гимназисткам и усиленно „сливал“ попарно старшие классы женских гимназий и институтов с соответственными классами кадетских корпусов, реальных училищ и т. д. Ничем нельзя было более повредить идее совместного воспитания, чем сделал этот педагог-маньяк.

В результате и здесь наблюдался целый ряд случаев беременности среди девочек старших классов, которые были изолированы за Невскую заставу на дачу бывш. Куракина. Это—дача, которая и получила на школьном жаргоне того времени игривое наименование: „шеколадной мельницы“.

А половые ругательства с упоминанием „матери“, имеющие такое обширное распространение в наших школах и так трудно поддающиеся изгнанию? Насколько эти „литературные выражения“ в настоящее время въелись в быт школьной учащейся молодежи, видно из того факта, что такое учебное заведение, как школа-колония при Московской Биостанции Юных Натуралистов в Сокольниках, была вынуждена устроить в 1925 году специальный день по борьбе с половыми ругательствами, который живописно прозвали „днем мата“. Нам неизвестно, достиг ли „день мата“ своей цели, но уже самое устройство его чрезвычайно характерно.

Если вдуматься в это положение, то станет совершенно ясно, что половое просвещение в школе, т.-е. правильное разъяснение детям явлений размножения у животных и растений, есть не только не универсальное средство, а лишь *одна из мер* полового воспитания и, притом мера далеко не самая важная. Проблема полового воспитания молодежи в целом—это огромная био-социальная задача, которая требует оздоровления и перестройки и семьи, и школы, и всего нашего общества.

Мы не собираемся, разумеется, ставить здесь этой задачи в ее целом, а ограничимся лишь указанием тех основных мероприятий, которые должна иметь в виду школа, желающая создать здоровое, в половом отношении, поколение.

1) Оградите, по возможности, подростков от соблазнов скружающей *среды*.

2) Займите *тело* подростка, дайте ему разумную физическую культуру; это мощный сток для избытка молодой энергии.

3) Займите *голову* подростка здоровой умственной пищей, общественно-полезной работой и т. д.; это тоже прекрасное отвлекающее средство, благодаря которому организм тратит запасы своей энергии по линии мыслительной работы.

4) Поддерживайте и развивайте *совместное воспитание* мальчиков и девочек: учась вместе с малых лет, они привыкают друг к другу и в последующем общении теряют, в период созревания, свои обостренные половые ощущения: асексуализируются.

5) Дайте ребенку, по мере роста его любознательности, правдивые и правильные *сведения о размножении организмов* и научите его серьезно относиться к важной биологической сущности этих вопросов.

6) наконец, дайте юношам и девушкам знания в области *половой гигиены*, которые предохранят их от многих ошибок и неправильностей в личной жизни.

Как видит читатель, лишь два последние пункта относятся к тому, что принято называть „половым просвещением“ в точном смысле этого слова. Первые же пункты, это—те общие воспитательные мероприятия, которые имеют, однако, в этой области огромную цену. Труднее всего осуществить 1-ый пункт, ибо он связан с оздоровлением всей

окружающей среды. Сущность же 2-го и 3-го пунктов сводится к тому, чтобы правильно распределить и направить запасы нервной энергии развивающегося организма.

Идея возгонки.

Для читателя, незнакомого с биологией, поясню, что человеческое тело можно сравнить с очень сложно устроенной машиной, которая, при помощи совершающихся в ней химических процессов, вырабатывает запасы энергии. Количество этой энергии вырабатываемой организмом человека в данный промежуток времени, есть некоторая, вполне определенная, величина. Энергия эта может быть израсходована, и притом различными способами: она тратится и на физическую работу, и на интеллектуальные процессы, и на эмоциональные переживания и, в частности, на половые устремления и действия. Если в одном из этих пунктов затрачено особенно много энергии, то в других пунктах мы замечаем как-бы отлив ее, оскудение.

Представьте себе сосуд, наполненный жидкостью, с различными кранами, через которые жидкость может выливаться. Если мы опорожним сосуд через кран А, или кран Б, или через кран А+Б+С совместно, то на долю кранов Д или Е может вовсе не остаться жидкости, или остаться очень малое количество ее.

Или еще проще. Представьте-что, у Вас имеется свободных 10 руб., на которые Вы можете купить себе книг, или пойти несколько раз в театр, или приобрести себе какую-нибудь принадлежность туалета или, наконец, прокутить их в той или иной веселой компании. Ясно, что, истратив значительную долю этой суммы одним образом, Вы, тем самым, ограничиваете для себя возможность истра-

тить деньги другим способом. Ясно также, что их можно израсходовать разумно и неразумно, с вредом для себя, или с пользой для себя.

Нечто подобное мы можем сделать и с запасами той энергии, которая вырабатывается нашим организмом. В грубых элементарных случаях это более или менее хорошо известно даже из бытовой, повседневной практики. Так, например, животноводы отлично знают, что жеребца, которого пускают на случку, не следует сильно угомлять работой или ездой. Атлет, который тренируется для состязаний, должен строго воздерживаться от всяких половых сношений. Напротив того, похотливый герой Луве-де-Куврэ, проведя ночь в тряской почтовой карете, оказался бессильным в объятиях своей возлюбленной. Талмуд не разрешал ученым более 1—2 половых сношений в неделю в расчете на то, что это может дурно отразиться на их трудах, и т. д.

В последнее время Фрейдом широко введен в обиход особый термин „сублимация“, получивший в нашей ходовой литературе большое распространение. Сублимация, по русски—возгонка, процесс, который применяется при приготовлении некоторых химических веществ, например сулемы¹.

В иносказательном смысле его применяют как термин, которым означают всякого рода перенос энергии организма с путей менее ценных (путь половой траты) на пути более ценные, например, на пути интеллектуальной работы, художественного творчества и т. д. Любопытно, что Фрейд все духовное творчество человека пытается объяснить

¹ Слово сулема (*Mercurius sublimatus*)—испорченная переделка латинского термина *sublimatus*—вещество, получаемое при помощи возгонки.

именно как результат такого переключения половой энергии на творческие пути.

Применяясь к этой терминологии, можно передать требования, заключенные в первых двух пунктах нашей программы, как требования сублимирования энергии молодого организма в целях асексуализации. Эта биологическая идея сублимации¹, или как бы ее ни назвать, может иметь, при надлежащем к ней подходе, весьма большое значение в практической педагогике. Но для того, чтобы ею воспользоваться, педагог должен перестроить систему воспитания и чрезвычайно активировать школу в смысле культуры положительных процессов.

Итак, *не столько половое просвещение, сколько половое воспитание!* Или вернее—половое просвещение, как одно из звеньев полового воспитания вообще.

Мне думается, что такая постановка вопроса предохранила бы наших педагогов от опасности переоценивания приемов полового просвещения, и отвела бы этому делу то действительное место, которого оно заслуживает. Это предостерегло бы наших половых просветителей от различных разочарований в данной области и не давало бы им возможности закрывать глаза на другие важные стороны в проблеме полового воспитания.

Есть еще третий совет, который следовало бы дать начинающему половому просветителю: не расширять чрезмерно (в школе) рамки полового воп-

¹ Злоупотребление идеей сублимации см. у А. Б. Залкинда, у которого она чрезвычайно гипертрофирована и выродилась в какую-то туманную социальную метафизику. При революционной фразеологии Залкинд—ярый реакционер в половом вопросе, защитник неподвижной многогамии, скрытый враг половой эмансипации женщин. См. Залкинд «Половой вопрос в условиях советской общественности» Ленинград 1926.

роса, но всегда оставаться на твердой почве научно-установленных норм и отношений. Дело в том, что сексуальная проблема в целом — область огромного масштаба, в конце-концов, она включает в себе все изгибы и закоулки человеческой культуры.

Ни в какой другой области нет более субъективных подходов, более противоречивых теорий и взглядов; ни в какой другой области нет так много неясного, нерешенного. Можно не соглашаться с Отто Вейнингером или с нашим В. В. Розановым, но нельзя отрицать того, что самая возможность их писаний — чрезвычайно характерна. Половой вопрос в целом — один из сложнейших и запутаннейших вопросов био-социологии!

В педагогике нашей существует основной прием, регулирующий выбор материала для преподавания: давайте в школе то, что является твердым достижением положительного знания. Если бы мы не придерживались такого принципа, мы превратили бы школьную учебу в арену непроверенных гипотез, невылупившихся теорий, личных вкусов и субъективных симпатий преподающего.

Половая проблема в школе грозит нам именно этой опасностью, потому что здесь субъективные оценки чрезвычайно разнообразны и, в то же время, чрезвычайно устойчивы у разных лиц, иногда гранича фанатизмом.

Какой же вывод можно сделать отсюда? Берите из полового вопроса в школе лишь то, что является точным, общепризнанным в науке. Не погружайтесь в сомнительную сферу половой морали, чрезвычайно разнообразной у разных лиц, и половой психологии, до сих пор довольно туманной. Не вздумайте пичкать учащихся непроверенными теориями, вроде фрейдизма и т. д. На это вы не имеете решительно никакого права! Если Вы биолог, оставайтесь на

твердой почве биологических и гигиенических сведений, где Вы чувствуете себя хозяином, помня, что научная база всегда будет для молодежи хорошим вооружением в их дальнейшей жизни.

Во всяком случае это тот законный минимум, на который может рассчитывать средняя школа в своей программе.

Проблема материнства.

Перехожу к объему и характеру тех сведений по половому просвещению, которые могут быть даны в школьной обстановке. Тут надо разграничить прежде всего две различные области, две системы фактов:

1) *выяснение биологической сущности размножения* у растений, животных и человека;

2) *половая гигиена* — мотивированная сводка сведений об уходе за своими половыми органами с обращением особого внимания на венерические заболевания.

Биологические сведения касательно размножения организмов могут быть даны в известной постепенности, по мере того как у детей возникают соответственные вопросы. Я ни в коем случае не посоветовал бы выделять их в какой-либо отдельный курс. На них следует смотреть как на дробные части учебной биологии, органически входящие в нее как единое неразрывное целое.

Напротив того, вопросы половой гигиены, в частности вопрос о половых болезнях, я бы считал более удобным выделить в совершенно особый небольшой замкнутый курсик, который следовало бы дать учащимся в концентрированной форме тогда, когда в нем почувствуется особая надобность, ледователюбно, в конце курса II-ой ступени. Из бы-озвых солбражений этот курс может быть с большей,

легкостью прочитан врачом, а не учителем-естественником, и притом отдельно для юношей и девушек.

Остановимся сначала на биологии размножения. Относящиеся сюда факты нужно давать уже с ранних лет, по мере накопления естественно-исторических сведений. В младшем возрасте дети больше обращают внимания *на роль матери* при размножении. Откуда и как появляются на свет маленькие дети?— Вот основной вопрос, который сделал столь популярной сказку об аисте и капустной грядке. Роль отца до-поры не ясна, она остается как бы в тени. Само собой разумеется, что и дидактически роль матери гораздо *легче* выяснить, чем роль отца. Последнее является уже гораздо более трудной задачей. По этому соображению мне представляется, что начинать следует именно с материнства, которое для I-ой ступени будет главным содержанием интересующей нас темы.

При изучении отдельных растений, в особенности культурных растений, обращается внимание на их плоды и семена, как они распространяются и как они произрастают, давая начало новому растению. Кстати это превосходный материал и для экскурсий (сборка семян) и для лабораторных занятий (проращивание семени в различных условиях и т. д.).

При изучении животных обращается особое внимание на икру у рыб. Каждая икринка — это яичко, из которого выйдет маленькая рыбка. Выясняется, какой запас икринок имеется в теле рыб и где они помещаются. В связи с этим изучается плодовитость рыб. Отсутствие у большинства рыб ухода за потомством связывается с их плодовитостью. Как исключение, разбирается колюшка, которых очень полезно иметь в школьном аквариуме. Колюшка мечет очень немного икри-

нок, по сравнению с другими рыбами, и имеет довольно продолжительный и тщательный уход за потомством.

Наряду с яйцекладущими, изучается один или два вида живородящих рыбок, которых также легко и просто содержать в школьном аквариуме. Среди них есть такие, которые не требуют искусственного подогревания воды, как, например, гирардинусы, легко разводимые в неволе. В результате такого изучения приходим к выводу, что икра может развиваться как вне тела матери, так и внутри тела матери. Развитие рыбьей икры в школе проследить трудно по техническим условиям, но зато превосходным объектом для изучения развития икры в комнате является икра лягушки, тритона или аксолотля. Аксолотль тем хорош, что его можно заставить откладывать в аквариуме икру в любое время года.

Яйца птиц и развитие из яиц птенцов дают классический пример развития теплокровных высокоорганизованных животных вне тела матери. Изучение вареного и сырого яйца дает хорошее представление о строении яйцевой клетки вообще. Напомним читателю, что в птичьем яйце гигантской яйцевой клеткой является желток, белок же и скорлупа—эта лишь внешняя оболочка клетки. Значительные размеры этой клетки объясняются тем, что желток набит пищевыми запасами для питания эмбриона.

Изучается уход за потомством у птиц, и в связи с этим немногочисленность яиц в кладках. Здесь также может быть поставлено много лабораторных работ и самостоятельных наблюдений.

Переходя к млекопитающим, отмечаем живородность большинства из них и выясняем биологические преимущества живородности: эмбрион защищен от внешних неблагоприятных условий,

передвигается вместе с телом матери, питается за ее счет и т. д. В качестве примера, здесь можно выбрать даже человека. Так, например, поступил я в своем кратком учебнике зоологии для 1-ой ступени, где описываю эмбриональное развитие зародыша внутри организма матери, даю понятие о родах и о последующем уходе матери за ребенком.

Вот пример такого изложения, заимствованный из упомянутого мною руководства.¹

«У всех рассмотренных нами млекопитающих детеныши рождаются *живыми*, при чем мать до рождения вынашивает их *внутри своего тела*, а после рождения выкармливает молоком, которое у самок выделяется из млечных желез. Подобным же образом дело происходит и у огромного большинства млекопитающих, не исключая и человека.

Женщина-мать также вынашивает младенца внутри своего тела в особом мешкообразном органе, называемом *маткой*. Там зародыш развивается в течение девяти месяцев и постепенно растет, получая кислород и все необходимые ему питательные вещества из крови матери. Само собой понятно, что это возможно лишь потому, что внутриутробный младенец тесно связан с телом матери при помощи особого органа, называемого *последом* или *плацентой* (приводится рисунок).

Послед представляет собою нечто в роде подушки из живой ткани, весьма богатой кровеносными сосудами. Эта подушка плотно врастает в стенку матки; через послед и происходит обмен состав-

¹ Проф. Б. Е. Райков. „Краткий учебник зоологии“. Изд. 7-ое. 1926 г. Стр 174—178. Обращаю внимание читателя, что среди кратких учебников зоологии, употребляемых на 1-ой ступени, написанное мною руководство является первым, где этого рода материал введен в содержание книги.

ных частей крови между матерью и младенцем. От последа тянется в виде длинного шнура *пуповина*, которая связана с телом ребенка в средней части живота. Внутри пуповины проходят кровеносные сосуды, при помощи которых и питается зародыш.

При рождении ребенка эту пуповину перерезывают. Оставшийся на теле ребенка кончик скоро подсыхает и отваливается; остается ямка, которая сохраняется у человека на всю жизнь и напоминает нам о бывшей когда-то тесной связи с нашей матерью.

На рисунке 159-ом представлено развитие зародыша человека до его рождения. Видно, как постепенно из зачатков образуются ручки и ножки, формируется головка. При этом выясняется замечательное сродство между зародышем человека и других позвоночных животных в особенности в раннем возрасте. Сравните, например, зародыш человека с зародышем обезьяны-гиббона (рис. 160). Интересно, что у зародыша человека на втором месяце его развития имеется довольно заметный свободный хвостик, состоящий из 6—8 позвонков. В дальнейшем этот хвостик, однако, не развивается, как у других животных, а напротив, уменьшается и, в конце-концов, образует известный нам *хвостец*, который состоит из четырех сросшихся позвонков и снаружи незаметен, так как подогнут между костями таза.

Не менее замечательно появление у зародыша человека на шее сквозных глоточных щелей, которые можно сравнить с жаберными щелями рыб. При дальнейшем развитии они зарастают.

После своего рождения детеныши млекопитающих питаются, как мы знаем, молоком матери, отсюда происходит и самое название класса *млекопитающих*. Молоко матери — это лучшая пища,

какую можно себе представить для молодого животного:

1) молоко *питательно*, так как содержит в себе все необходимые части для роста детеныша;

2) молоко *легко переваримо* и не обременяет желудка молодого животного;

3) молоко *нагрето* до температуры тела детеныша;

4) молоко не содержит никаких вредных *микрорганализмов*, так как при сосании переходит из млечных желез матери прямо в глотку детеныша.

Таким образом, у млекопитающих их потомство обеспечено лучше, чем у всех других животных. Вспомним, как много погибает в молодом возрасте мальков рыб и головастиков земноводных, у которых, как правило, нет ухода за потомством. Птицы высиживают свои яйца и ухаживают за своими птенцами. Их потомство уже более обеспечено, хотя развивается вне тела матери. У млекопитающих же детеныши развиваются внутри тела матери и находятся в наибольшей безопасности. После рождения они пользуются покровительством и защитой родителей и получают наиболее усовершенствованную пищу. Родительский уход у млекопитающих продолжается дольше, чем у всех прочих животных, и детеныши их растут медленнее и рождаются более беспомощными, чем детеныши других животных.

Подумайте, у кого из млекопитающих самый нежный, тщательный и долгий уход за потомством?

Подумайте, почему млекопитающие успешно размножаются и заселяют землю, несмотря на то, что они гораздо менее плодовиты, чем другие животные? Приведите примеры».

Читатель видит, что вопрос об оплодотворении оставляется здесь в стороне, равно как и не рассматривается подробно строение женских органов. Дается лишь общее представление о матке, как оместилище, заключающем плод, и о плаценте и пуповине, при помощи которых происходит питание зародыша.

Опыт показывает, что при таком расположении материала получается известная стройность и внутренняя логика в изучении этого вопроса. Ребенок приходит к заключению, что между живыми организмами—есть очень много сходства: все они развиваются из яйца, но у млекопитающих развитие эмбриона обставлено наилучшими условиями.

Что же касается до вопроса об отцовстве, то он в этом возрасте вполне необходим, и притом без особой искусственности.

Если при этом дети понаблюдадут кошку, собаку, кролика, домашнюю крысу, или какое-либо другое млекопитающее с новорожденным потомством, то впечатление получится еще более отчетливое. В эмоциональном отношении весь этот материал усваивается прекрасно, без ложных переживаний, а иногда с большим и трогательным чувством (при наблюдении самки со своими сосунками, которая кормит их и ухаживает за ними).

Проблема отцовства.

На II-ой ступени к имеющимся у детей сведениям относительно размножения добавляются *сведения об отцовстве*. Явление опыления у растений известно детям обыкновенно с младших классов, но они не вдумываются в его содержание и часто не видят в нем никакого полового смысла. Теперь этот смысл дешифрируется, и терми-

нология является теперь иная: не „опыление“, а „оплодотворение“; не „пестичные“ и „тычинковые“ цветы, а „мужские“ и „женские“ цветы... Переход к животным можно сделать при изучении размножения у споровых, например, у папоротника, где антеридии являются подвижными половыми элементами. При изучении рыб выясняется процесс искусственного оплодотворения (сухой способ, применяемый у нас на рыбоводных заводах). Если возможно, устраиваются экскурсии на такой рыбоводный завод, что в Ленинграде и в Москве вполне возможно и уже практикуется на деле.

Надо, чтобы учащиеся вполне уяснили *биологическую сущность* оплодотворения, как слияние вещества мужской и женской клетки. Важно дать детям почувствовать единство этого процесса, общего для всех животных и растений. Необходимо выяснить, что такое оплодотворение совершается у тех животных, у которых плод развивается внутри тела матери (пример — млекопитающие). Совершенно ясно, что мужская клетка должна быть внесена при этом внутрь тела матери. Для этого существуют особые аппараты, очень разнообразно устроенные у разных животных.

И здесь я бы поставил точку. Нет никакой надобности в биологическом курсе изучать устройство половых органов у высших животных и человека. Основные биологические принципы их деятельности и так вполне понятны. Я не пошел бы за теми из наших педагогов, которые считают возможным на уроках биологии подробное ознакомление учащихся со строением половых органов у человека. В одном случае, известном мне, учащиеся даже сами изготовляли для такого курса стенные рисунки, при чем женские половые органы рисовали девочки, а мужские — мальчики!

Я считаю это безусловно утрированным и ненужным на данной ступени обучения.

Известный германский венеролог проф. Blaschko, хорошо знающий положение этого вопроса в Германии, стоит на той же точке зрения и указывает, что в Германии, за ничтожным исключением, никто и не требует, чтобы в школе подробно описывалась или демонстрировалась в картинах половая жизнь человека, половые органы или половой акт.

В Германии вопрос о половом просвещении был поднят еще в 1907 г. на конгрессе Немецкого Общества Борьбы с венерическими болезнями в Майнгейме, при чем уже тогда разными авторами (главным образом, педагогами-естественниками) были даны образчики тех методов, которыми это половое просвещение могло бы быть осуществлено в различных типах школ. Среди этих методических конструкций мы, однако, нигде не находим тех утрированных подходов, на которые автор этой книжки ссылался в начале своего изложения. Такова же, примерно, и точка зрения наиболее известного германского методиста Schoenichen'a, который точно также требует постепенного подхода к этому вопросу на уроках естествоведения, начиная с опытов размножения у культурных растений и ухода за мелкими животными.

Те вопросы из области половой биологии и гигиены человека, которые особенно интересуют детей, могут, впрочем, получить свое разрешение в том отдельном заключительном курсе половой гигиены, о котором речь впереди. В общем же биологическом курсе важны не столько детали, часто отвлекающие от существа дела, важны самые биологические обобщения.

Таким образом, не половой акт, а оплодотворение,— вот что должно стоять в центре внимания педагога и учащихся при выяснении роли от-

цовства на II-ой ступени. Замечу, что люди, недостаточно подготовленные биологически, плохо в этом разбираются, и часто смешивают обе стороны дела, сваливая все в одну общую кучу. Но для нас такое разделение принципиально очень важно. Достаточно сказать, что существует половой акт (coitus) без оплодотворения (при применении средств против зачатия) и существует оплодотворение без полового акта (например, искусственное оплодотворение у лошадей, давно применяемое в зоотехнии).

Упомянутый выше Шенихен прямо указывает, что серьезная биологическая подготовка учащихся при изучении животных и растений даст им возможность делать *по аналогии* заключения и относительно половой жизни человека.

При изложении учащимся затронутых вопросов очень много могут помочь делу схемы (в роде рисунков того-же Шенихена), где устранено все лишнее и где биологическая сущность явлений выдвигается на первый план. Рекомендуем преподавателю перерисовать эти прекрасные рисунки в большом виде и употреблять их в виде классного пособия ¹.

Наконец, при прохождении курса биологии на II-ой ступени, я считал бы чрезвычайно важным затронуть и вопросы евгенические. Евгеника — наука о хорошем рождении, т.-е. о том, как улучшить прирожденные качества будущих поколений человеческого рода. По мнению одного из наших известных ученых, Ю. А. Филипченко, евгеника в том или ином виде должна быть введена в школу, ибо при помощи школы мы можем скорее всего

¹ Можно взять из большой работы Schoenichen'a: «Methodik und Technik des naturgeschichtlichen Unterrichts». 1914.

добиться распространения евгенических идей среди наиболее ценного для нас в этом отношении элемента—среди молодежи. «Раз в наших школах преподается общая биология, говорит тот же автор в другом месте, то в этом курсе должно быть отведено место и евгенике. Раз в курсе общей биологии будут разбираться, хотя бы в самых общих чертах, вопросы размножения и наследственности, то естественно уделить несколько последних уроков разбору явлений размножения и наследственности у человека, т.-е. евгенике».

Против этого взгляда может быть выдвинуто соображение, что евгенические данные слишком сложны и недоступны для учащихся. Однако, педагоги - биологи справедливо возражают на это, что если мы знакомим учащихся с основами эволюционного учения, то вопросы евгеники, во всяком случае, не труднее для понимания, и в то же время имеют огромную важность для практической жизни.

Те практические выводы, которые можно сделать из евгенических данных, могут быть отнесены на особый заключительный курс половой гигиены, которым, по моему плану, должен быть закончен курс трудовой школы.

Сомнения читателя.

„Все это очень хорошо, скажет читатель. Вот Вы так стройно распределили материал по курсу естествознания: первую ступень отвели материнству, вторую — отцовству, провели логическую связь между отдельными фактами... А позвольте Вас спросить, как мне поступить, если ученик задаст мне вопрос, Вами не предусмотренный; если какой-нибудь ребенок, хотя бы на 1-ой ступени, ломая все Ваши схемы, спросит о половом акте

у человека? Что же Вы тогда будете делать? Молчать? Но молчание здесь вредно, и мы уже на этом согласились. Отвечать? Но что же тогда останется от схемы?"

Конечно, автор этой книжки предвидел такие случаи. Прекрасно известно, что они, действительно, имеют место. И совет его следующий: если такие вопросы Вам отдельными учениками задаются, и Вы, как педагог, видите, что они задаются не из озорства и пошлых побуждений, то на них следует ответить совершенно серьезно и правдиво. Но так как это вопросы—индивидуальны, то и отвечать на них надо индивидуально, вне обычной классной беседы. Всякий опытный преподаватель согласится, что нельзя же все вопросы детей делать предметом общего обсуждения, раз это не входит в продуманный Вами план занятий. Выше я говорил лишь об этом основном плане в связи с половым просвещением, как о некотором общешкольном предприятии. Принимая установленный общий план, мы ни мало не закрываем учителю возможности беседовать в частном порядке с отдельными детьми по каким угодно вопросам, нисколько не разрушая этим общего плана.

Выносить же эти вопросы на общее обсуждение неудобно постольку, поскольку они могут быть чисто случайными, происходящими иногда из болезненной переразвитости или излишней осведомленности отдельных детей в этом вопросе, что часто обусловлено влиянием на них испорченной среды.

Второе сомнение по поводу взглядов автора таково. Читатель может сказать автору: Вы подходите к вопросу так, как будто дети решительно ничего не знают и не узнают, помимо Вас, из области половой жизни. Послушать Вас, выходит так, что 10—12-летние ребята узнают сперва

о тайне своего рождения и о роли в ней мамы, но ничего не знают о папаше; затем в 14—15 лет папаша постепенно занимает место в их внимании и т. д., и т. д. Но, ведь, Вы же сами говорили и приводили соответствующие факты, которые указывают, что не только в 14 лет, а в 8—10 лет, иногда даже гораздо раньше, дети вполне осведомлены и знают даже всевозможные половые гадости. Не является ли при таком положении Ваш план простым педагогическим прекраснодушием?

Могу сказать на это следующее. Думать, что школа может дать детям сведения о половой жизни *раньше*, чем они получают их из других источников, я считаю совершенно утопичным. Если гнаться за «предупредительной» системой осведомления, то, во многих случаях, пришлось бы начинать его с дошкольного возраста, и начинать как раз с того, что является наиболее трудным в этом деле, т. е. с половых отношений у человека и высших животных и, как раз, именно, с внешней стороны полового акта.

Да и что можно дать в области биологии оплодотворения ребятам, которые никогда не слышали, что такое клетка, и никогда не глядели в микроскоп? Наши предупредительные объяснения поневоле будут грубой вульгаризацией фактов, напоминая собою смехотворные писания Жаринцевой, с образчиками которых мы только что познакомились.

Нет перегнуть во времени бытовую среду нам (школе) не удастся, и здесь мы, к сожалению, ничего сделать не можем. Это до известной степени могли бы сделать родители и воспитатели, но уже, во всяком случае, не мы—школьные педагоги.

Одесская анкета среди детей детских домов в 1925 году показала, что из 589 опрошенных

больше половины (56%) знают, как и отчего рождаются дети, но знают в этой области только грубоциническую сторону вопроса; что же касается до биологических объяснений, то они носят совершенно у ребят сумбурный и нелепый характер.

Роль школьного педагога не столько осведомить, сколько объяснить. Его роль—подвести под пошлые, грубые бытовые представления облагораживающий фундамент научного познания. Он должен на уроках естествознания постепенно раскрыть учащимся великие мировые законы размножения организмов. Там, где глаза испорченных детей видят лишь предмет для непристойных шуток, грубых словечек и т. д., пусть там дети увидят нечто более серьезное, важное и достойное внимания.

Характерно, что и сами дети сознают ненормальность своего положения, неполноту и односторонность своих знаний в области пола и ищут здоровых, авторитетных источников осведомления. Та же одесская анкета, на которую мы неоднократно ссылались, указывает, что 77% детей хотят серьезного осведомления в области полового вопроса, причем 39% хотят получить разъяснение от воспитателей, 24% от доктора и 37% из книг: „хочу узнать от ученого человека“, „хочу узнать от человека, который уже работал в этой области“—так говорят детские ответы.

Таким образом уличная осведомленность детей в тайнах пола ни мало не исключает объяснений педагога или врача, и дети сами стремятся к этому.

В самом деле одна из самых основных задач школы в настоящее время и заключается в том, чтобы брать куски *обыденщины* и освещать их светом человеческой мысли и человеческого *познания*. В этой, именно, плоскости и надо понимать задачу полового просвещения в школе. Это есть не что иное, как попытка перестроить обычные предста-

вления учащихся на более достойной и общественно-ценной основе. Если Вы хотите, чтобы такая перестройка удалась, надо выходить в бой с достаточно надежным вооружением. Морализирование здесь делу не поможет, здесь нужны длительные интеллектуальные переживания.

Вот почему здесь так важен последовательный план изучения, который постепенно втягивает ученика в свой логический механизм.

Грозные цифры.

Перехожу теперь к курсу половой гигиены, который, как сказано выше, должен быть дан учащимся в конце школьного обучения.

Необходим ли такой курс? Мне кажется, что биологические сведения общего порядка, которые способны дать курс естествознания, не могут еще предоставить учащимся практических норм их поведения в их личной половой жизни. В то же время мы прекрасно знаем, что учащиеся трудовой школы уже практически знакомы с половой жизнью. Данные различных анкет показывают нам, что огромное большинство мальчиков имело половые сношения, еще не окончив школы. По данным переписи Членова половина опрошенных студентов узнали женщин в возрасте от 14-ти до 17-ти лет. Из 967 студентов московского университета — 77% имели половые сношения еще до поступления в университет. Согласно анкете Гельмана в 1922 г. среди московского пролетарского студенчества — 41,5% мальчиков, т. е. около половины, познали половую жизнь до 16-ти лет. Согласно московской анкете 1914 года — 51,1% опрошенного студенчества на 16-ом году уже жили половой жизнью.

Если поставить вопрос, с кем у мужчин происходит первое половое сношение, то выясняется, что с женой или любимой девушкой первое половое сношение происходит лишь в 3,7% случаев (московская анкета 1922 года), а в огромном большинстве случаев на первое место здесь выдвигается либо проститутка (42% по московской анкете 1914 г. и 30% по московской анкете 1922 г.), либо прислуга (35,3% согласно московской анкете 1914 г.) и т. д. Таковы первые половые осведомители нашей учащейся молодежи. „Проснувшийся в половом отношении мальчик или юноша, пишет Гельман, ищет женщину для полового удовлетворения и находит ее либо в проститутке, либо в солдатке, либо во вдове, либо в соседней прислуге и только почти, в исключительных случаях, его ведет любовь“.

Результаты такого положения дел совершенно понятны. Расплатой за случайные половые связи являются венерические болезни. По московской студенческой анкете 1904 г. процент зараженных венерическими болезнями достигал 25,3%, т. е. четвертая часть всех студентов страдала этого рода заболеваниями. Довоенная анкета среди юрьевских студентов, происходящих из обеспеченных классов населения, показала, что среди них было 26,4% больных венерическими болезнями. Анкета среди московского пролетарского студенчества 1922 года дала 19,3% больных венерическими болезнями, причем автор анкеты указывает, что цифра эта, несомненно, преуменьшена.

Характерно, что наибольшая частота заражений падает на годы от 18-ти до 23-х, т. е. тогда, когда молодежь попадает в города, например, поступая в высшие учебные заведения.

Заграничные анкеты, например, известная бреславльская анкета дает еще гораздо более высо-

кие цифры заражений венерическими болезнями среди студенчества. По данным д-ра Мееровского 51,9% бреславльских студентов, живших половой жизнью, были заражены венерическими болезнями. Что касается женщин, то по данным Гельмана, 15—20% женщин, живших половой жизнью, надо считать зараженными венерическими болезнями, почти исключительно триппером.

Все эти грозные цифры повелительно требуют вооружить учащихся, еще во время прохождения ими курса средней школы, средствами борьбы против такого положения вещей. Одним из действительных средств является подробное осведомление учащихся о том, что их ждет, если они попадут в этот роковой процент. Заметим, что моральная проповедь является здесь весьма слабым средством. Нужно быть очень наивным человеком, чтобы думать, что различные нравственные предписания могут исправить нарисованную картину. Знаменитый венеролог *Blaschko*, имеющий огромный опыт в этих вопросах, справедливо иронизирует над теми, которые рассматривают моральные факторы, как главное средство борьбы с венерическими болезнями. Гораздо большее значение здесь может сыграть действительное осведомление юношества о том, что такое венерические болезни и какую опасность для них самих и для окружающих эти болезни несут с собой.

До сих пор среди молодежи распространено мнение, что такая болезнь, как триппер, представляет из себя пустяковое заболевание, нечто в роде насморка. А между тем значительный 0/0, так называемых, женских болезней является ни чем иным, как венерическим заболеванием женской половой сферы, последствием заражения этой „невинной“ болезнью. Проявления женской гонорреи иногда бывают ничтожны, а в результате она за-

хватывает внутренние половые органы и ведет к самым тяжелым страданиям.

Известный немецкий венеролог *O. Lassar* справедливо пишет: „Молодые люди, получившие впервые возможность располагать собой и своими средствами, преисполненные силы и жажды жизни, не находят ничего лучшего как немедленно с закрытыми глазами бросаться в объятия проституции. Если бы рекруты, моряки, ученики старших классов, воспитанники семинарий, короче говоря, все юношество слышало бы при своем вступлении в жизнь суровые слова о ждущих их опасностях, то много легкомысленных поступков никогда не было бы совершено. Безудержность, с которой мужская молодежь подчиняется своему половому влечению, получила бы мощную задержку, если бы молодые люди узнали о той гнили, которая скрывается под чарующей оболочкой. Самым резким образом должно быть подчеркнуто, что внешний вид и приятная наружность не дают никакой гарантии за то, что из маточного канала не течет струя гоноррейного секрета, что наружные гениталии не покрыты мокнущими папулами“.

Эти слова могут показаться грубыми и жестокими, но известная резкость в этом вопросе может быть вполне уместной, раз дело идет о сохранении если не жизни, то благополучия не только их юношей, но и их потомства. Молодая девушка точно также должна знать, чем она рискует при неудачном браке. Наивность в этом отношении иногда обходится очень дорого и искупается впоследствии тяжелыми страданиями.

Немецкое Общество борьбы с венерическими болезнями с 1907 года пропагандирует (и с успехом), чтобы ознакомление с половыми болезнями было введено в школах. В этом отношении гер-

манская школа достигла больших результатов. Русская школа нуждается в этом не в меньшей степени. Препятствий формального порядка в этом отношении у нас не имеется, так как в программах II ступени для школы семилетки на последнем году обучения такой курс прямо указан в числе рекомендованных к прохождению¹.

Скажу теперь несколько слов о самом *характере проектируемого курса*. Я уже оговорился, что этот курс должен быть коротким и сжатым, отнюдь не растянутым на продолжительный срок, но концентрированным для того, чтобы его впечатление на молодежь было достаточно сильным, но в то же время не нервировало ее в течение продолжительного времени. Это, так сказать, спасительный психологический удар, который должен быть рассчитан целесообразно.

Что касается до содержания курса то, кроме общих анатомических, физиологических и общегигиенических сведений, главное место в нем должно быть уделено *венерическим болезням*, т. е. сифилису и гоннорее. Лектором должны быть указаны источники заражения, описаны начальные симптомы болезни, ее дальнейшее течение, влияние болезни на организм больного и т. д. Важное значение имеют и указания на влияние сифилиса на потомство. По отношению к гоннорее важны указания на то, насколько эта болезнь, несмотря на свой внешне-невинный характер, является трудно излечимой и насколько опасна она, в случае заражения, для благополучия женщины.

---

¹ К сожалению, в программах ГУС'а курс о *половых болезнях*, странным образом, поставлен в рубрику „трудовые процессы“ (?!) и отнесен, еще более странным образом, к комплексной теме „советский строй, как переход от капитализма к коммунизму“ (?!).

Само собой разумеется, что беседы на эти темы должны быть построены согласно общим педагогическим принципам, в частности желательного конкретизировать полученные сведения при помощи различных приемов наглядности. В простейшей форме здесь могут быть очень полезными некоторые (с выбором!) раскрашенные картинки из различных атласов по венерическим болезням. В больших городах, где имеются музеи здравоохранения, чрезвычайно полезно показать молодежи, во время экскурсии в такой музей, муляжи, изображающие пораженные органы в различных стадиях заболевания. Еще в XVIII веке известный германский педагог Зальцман водил своих учеников в анатомический музей, где показывал им скелет человека, кости которого были изъедены сифилисом, и вел по этому поводу предупредительную беседу со своими воспитанниками. Должен сказать, что такие экскурсии производят на старших учащихся очень сильное впечатление. В одном случае весь класс, вернувшись в школу, тотчас же побежал мыть руки. Одна молодая девушка, придя из музея домой, попросила, чтобы ей немедленно же приготовили ванну.

Один из ленинградских врачей - педагогов, А. И. Лобус, применил еще более сильное средство, а именно—он сводил группу взрослых учащихся в венерологическую лечебницу, предварительно условившись с заведующим этим учреждением и получив согласие нескольких больных продемонстрировать себя перед молодежью. Впечатление от такой экскурсии было потрясающее. Отмечая этот случай, я считаю, конечно, что такая экскурсия является совершенно исключительной, тем более, что на практике осуществление подобного предприятия крайне трудно и возможно лишь при особом стечении обстоятельств.

Другой вопрос, проработать который я считал бы существенно важным в этом курсе, это вопрос о *гигиене беременности и уход за новорожденным*. Окончившие школу девушки через один — два года могут сделаться матерями, и для них эти сведения могут сыграть очень большую роль. Нельзя выпускать девушек из трудовой школы, не вооружив их полезными сведениями касательно важнейших моментов их жизни. Едва ли кто-нибудь станет отрицать, что в жизни женщины рождение ребенка и уход за ним является одним из наиважнейших актов. Много лет тому назад знаменитый врач Н. И. Пирогов сказал следующие знаменательные слова: „Пусть женщины поймут свое высокое назначение в вертограде человеческой жизни, пусть поймут, что они, ухаживая за колыбелью ребенка, учреждая игры его детства, научая его лепетать первые слова, делаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется их руками!“

Обходя этого рода вопросы в школе и не давая этой области молодежи никакой подготовки, мы никогда не сможем организовать в обществе достаточно мощного движения в пользу охраны здоровья и жизни детей. Нужно помнить, что наша республика до сих пор занимает первое место по статистике смертности новорожденных среди всех цивилизованных стран.

Я считал бы более удобным читать такой курс в школе отдельно для мальчиков и для девочек. Основанием для такого требования является возможное упрощение постановки дела. Нет никакого сомнения в том, что и руководителю будет легче читать в однополой аудитории, в особенности, если мальчикам будет читать врач - мужчина, а девочкам — врач - женщина. Да кроме того и самый характер такого

курса для мальчиков и девочек должен быть различен. Для мальчиков имеют особое значение различные сведения относительно венерических заболеваний, предостережение от беспорядочных половых сношений, с указанием на их последствия и проч. Для девочек серьезное значение в этом курсе могут иметь, кроме сведений о гигиене беременности, послеродового периода и кормления, также сведения об уходе за ребенком по первому году от рождения. Напомню также о гигиене менструаций. Подробные практические указания по этому поводу для мальчиков, конечно, не нужны. Мне представляется, что интимные гигиенические указания в однополой аудитории будут восприняты легче. Кроме того, учащимся гораздо проще будет задавать в этой обстановке соответственные вопросы, в особенности если эти вопросы касаются каких-либо *личных* переживаний.

Впрочем, указанное мною разделение полов я не считаю принципиально обязательным. Это просто вопрос практического удобства. Мне представляется, что в отдельных случаях возможно и не вводить указанного мною разделения, если для этого нет соответственных показаний.

В заключение я считаю нелишним еще раз отметить, что проектируемый мною курс половой гигиены в трудовой школе, по крайней мере, на первых порах, не может быть объявлен *обязательным*. Дело в том, что постановка его может лишь тогда дать надлежащие результаты, если для проведения этого курса найдутся достаточно хорошо подготовленные врачи или педагоги. В противном случае нет ничего легче, как скомпрометировать этот курс, сделать из него источник глупых разговоров и сомнительных шуток и, тем самым, повредить делу полового просвещения. Вероятно, в крупных центрах его поставить гораздо

легче, чем в маленьких городках и местечках, где может не найтись подходящих людей. Полагаю, что если преподаватель или школьный врач не решается за него взяться, то и не следует их к этому принуждать, потому что от тона и такта здесь зависит весьма многое.

Мне известны случаи, когда неумелая постановка этого вопроса чрезвычайно повредила делу. Представьте себе такую картину. В темной аудитории, при погашенном свете, лектор показывает учащимся диапозитивы при помощи волшебного фонаря, одновременно делая соответственные словесные разъяснения. В классе—мальчики и девочки. Слышны шутки, остроты по этому поводу, взвизгивания девочек, с которыми что-то проделывают в темноте... Эта картина не вымышлена, но списана с натуры. Едва ли можно признать такую постановку дела хоть сколько-нибудь допустимой!

В этом сложном вопросе нужны не столько циркулярные предписания, сколько разумная и энергичная пропаганда в среде педагогов: при помощи лекций, переподготовительных курсов и подходящей литературы. Немаловажную роль здесь могли бы сыграть и разные просветительные педагогические общества, а также общества врачей, которые могли бы для этой цели привлечь в свою среду педагогов-естественников II ступени.

Итоги.

Расставаясь с читателем, приведу в заключение те основные положения, которые я развивал в этой работе. Они изложены здесь в виде тезисов доклада, прочитанного мною в 1926 году на одном из многолюдных собраний Общества Распространения Естественно-Исторического Образования в Москве. Несмотря на разнообразный

состав присутствовавших, эти положения были приняты всем собранием единогласно и, таким образом, могут считаться коллективным мнением, по крайней мере, двух сотен педагогов - естественников.

1. Школа не должна обходить полового вопроса, если она, действительно, хочет готовить людей *к жизни*; ведь в жизни каждого человека половой вопрос играет *очень большую роль*, а кроме того он является *первичным фактором* по отношению ко многим областям и явлениям человеческой культуры.

2. Рассматривая некоторые уже сделанные попытки введения полового вопроса в школу в виде, так называемого, полового просвещения, отмечаю, что в руках одних просветителей (минималистов) они носят неполный, неясный, иногда явно лицемерный характер, а в других случаях (у максималистов) дают детям сведения такого порядка, которые неосторожно и преждевременно наталкивают их на вопросы пола. В нашей новой школе в Москве и Ленинграде (за период 1923—1925 г.г.) имел место ряд случаев, когда ознакомление детей с половым вопросом граничило с порнографией и не могло не оказать развращающего влияния на них. К сожалению, эти эксцессы не получили должного отпора со стороны здоровой педагогической среды.

3. При разрешении полового вопроса в школе нельзя действовать легкомысленно и поспешно. Надо ясно сознать всю сложность этой задачи, которая является труднейшим экзаменом педагогике. В частности, не следует *переоценивать* роли полового просвещения, т. е. сообщения детям правильных сведений о половой жизни организмов. Половое просвещение, действуя, главным образом, на интеллект ребенка, является лишь *одной*

из мер полового воспитания вообще. Гораздо более важное и *решающее* значение имеют такие факторы, как создание здоровой общественной и школьной среды, поднятие уровня семьи, привитие молодежи положительных умственных интересов, хорошо направленное чтение, развитие физкультуры, совместное обучение мальчиков и девочек и т. д.

4. Педагогу-естественнику, при постановке полового просвещения в школе, следует оставаться на почве тех сведений, где он имеет *специальную подготовку*. Опасно слишком расширять рамки вопроса, входя в области эстетики, морали, психопатологии и т. д. и ставить перед подростками половой вопрос, как психологическую и социальную проблему. Это значило бы задавать подросткам работу не по силам и входить в спорную область неясного и нерешенного, где и сам-то педагог-естественник может не разобраться, как следует, или даже впасть в те или иные уклонения.

Ни в каком случае не следует вопросы полового просвещения ставить, как темы для самостоятельной проработки учащихся в кружках, так как здесь без надлежащего руководства исследовательская проработка может повести к печальным результатам.

6. С этими оговорами надо признать желательным и возможным сообщение детям правдивых сведений по половому вопросу по такой схеме:

I ступень. На первой ступени при изучении естественно-исторического материала даются, по мере надобности, попутные сведения о размножении и развитии животных и растений при чем главное внимание уделяется роли матери: развитие плода, акт рождения, кормление и уход за потомством и т. д. Этого порядка сведения могут быть даны и по отношению к человеку.

II ступень. На второй ступени, при изучении растений и животных, дается *биологическая сущность оплодотворения* (слияние мужской и женской половых клеток) и таким образом выясняется более отчетливо и роль другого пола. В качестве объектов наблюдения и изучения преимущественно выдвигаются: наблюдение за развитием икры у моллюсков, рыб, амфибий, экскурсии на рыбноводный завод для закомства с искусственным оплодотворением икры у рыб и т. д. Касаться полового акта (coitus) у высших животных и человека в этом курсе вовсе не следует, ограничиваясь сущностью оплодотворения. Не следует и выделять сведения о размножении в особый курс.

Последний класс II ступени. Здесь желательно, кроме того, ознакомление подростков с вопросами половой гигиены у человека уже в виде совершенно особого краткосрочного курса, читаемого врачом или вполне подготовленным педагогом-естественником, отдельно для мальчиков и девочек. Здесь мальчики знакомятся с сущностью и характером венерических болезней, вредом различных уклонений в половой жизни и основами половой гигиены мужчины. Девочки получают сведения о гигиене женского организма, беременности, родах, сведения по уходу за ребенком от рождения по I-му году жизни и т. д. Курс этот должен сопровождаться экскурсиями в Музей Здравоохранения, в учреждения материнства и младенчества и т. д. Такой курс может быть, однако, поставлен лишь при наличии вполне компетентных руководителей, причем желательно (хотя и не обязательно), чтобы занятия с девочками велись женщиной-врачом.

7. При состоянии наших школьных и общественных нравов и уровне подготовки учительства по-

ловое просвещение не может быть вменено в обязанность учащим массовой школы; а там, где оно ставится, дело это должно фактически контролироваться школьными и общественными органами во избежание каких-либо неправильностей и уклонений.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вопрос, которого нельзя обойти	5
Разговор с Гертрудой	9
Игра в двойчатки	12
Семилетний муж	14
На грани порнографии	15
В поисках здравого смысла	21
Как пишутся хрестоматии	28
Экзамен школе	31
Не половое просвещение, а половое воспитание	36
Идея возгонки	48
Проблема материнства	52
Проблема отцовства	58
Сомнения читателя	62
Грозные цифры	66
Итоги	74
